

*Посвящается членам семьи,
у которых никогда не будет
общей фамилии.*

Глава 1

Ойро

Не с первого раза, но мне удаётся открыть глаза. Здесь сумрачно, однако недостаточно, чтобы помешать мне рассмотреть комнату, в которой я оказалась. Стоит ночь, тяжёлые занавески раздвинуты, и луна освещает большую часть комнаты, заглядывая через высокие арочные окна и балконные двери. Стекло вставлено в специальные панели, напоминающие изысканно выполненную решётку, из-за чего свет дробится, ложась узором на пол и стены. Мне требуется некоторое время, чтобы вспомнить названия запахов, что сейчас витают в воздухе. Ароматические масла. Жасмин с примесью корицы и инжира. Всё это идеально сочетается с сухим запахом пустыни. Понимаю, что я в Паргаде... я дома. Эта мысль лёгкая, сонная, почти нереальная. Она обволакивает моё сознание так же мягко, как и несколько покрывал, в которые я завернулась.

Я лежу на огромной кровати с бадахином, окружённая множеством подушек с вышивкой. Ткань постельного белья настолько приятная, что мне даже не хочется выбираться из её ласковых объятий. Я медленно обвожу взглядом убранство помещения. Оно не огромное, но очень большое, особенно если учитывать, что это комната для одного человека. Точ-

но угадать цвет стен в скудном освещении практически невозможно. Скорее всего, они светло-серые, но большая их часть покрыта узорами, вырезанными прямо по камню, что создает замысловатый рельеф из света и теней. У противоположной стены стоят огромный шкаф и массивный стол с грудой свитков и книг, сваленных на нём. На стуле несколько мечей в ножнах. Рядом проход в виде арки, отделанной резьбой, а вместо двери висят переливающиеся в тусклом свете золотистые занавески. Вероятно, проход в умывальню. Прямо в середине комнаты располагаются обитые парчой два мягких дивана и два кресла. Они окружают круглый серебряный столик. У выхода на балкон стоит огромная золотая клетка с двумя птицами. Те крепко спят, дожидаясь нового дня, чтобы запеть вновь.

Я медленно сажусь, морщусь от внезапной тяжести в голове и спускаю ноги на пол, пальцами чувствуя мягкость ковра. Не найдя никакой обуви, я прохожу в середину комнаты. Ковёр лежит лишь вокруг кровати, стоит отойти, как ступни касаются камня. Весь пол покрыт белым мрамором, который максимально долго хранит прохладу и освежает в жаркие дни. Я непроизвольно улыбаюсь, вспоминая, что в моей комнате тоже был мраморный пол. *Сохранилась ли моя комната?*

Голова ещё как в тумане. Всё такое родное и незнакомое одновременно. Я почти уверена, что знаю, кому принадлежат эти покои, но боюсь озвучивать имя даже у себя в голове. Недавние события, моя семья, это помещение и невесомое платье на мне. Будто воспоминания, которые у меня есть, лишь наполовину мои.

Озадаченная, я провожу ладонью по чистым, расчёсанным волосам. Дотрагиваюсь до деревянной спинки кресла, касаюсь пальцами нежных занавесок балдахина, украшенных золотой вышивкой. Всё это

похоже на сон. *На сон, в котором я бы хотела задержаться погольше.*

Но я не могу оставаться здесь вечно, поэтому подхожу к большим двойным дверям, кладу ладонь на позолоченную ручку и несколько мгновений медлю, ожидая, что вся окружающая обстановка растворится в дымке, а я очнусь в комнате для слуг во дворце Каидана.

Однако ничего не происходит.

Тогда я нажимаю на изогнутую ручку и тяну дверь на себя. Опираюсь на неё, всё ещё боясь потеряться в действительности. Меня словно пытаются новообретённой надеждой, когда я вижу молодого мужчину у противоположной стены в коридоре. Он совсем не похож на того, каким был в Цере.

Сейчас он в домашней, немного мятой одежде, на плечи накинут простой халат, что делает его образ более родным. Сердце в груди болезненно сжимается. Его тёмные волосы растрёпаны, а в серых глазах нет угрозы, насмешки или пренебрежения, которые я видела в праздничном зале во дворце Каидана. Сейчас он выглядит таким же напуганным, как и я. Брат замер, не двигается и, кажется, даже не дышит. Из моего горла вырывается сдавленный всхлип. Я не знаю, что мне делать — плакать или смеяться. Пытаюсь взять себя в руки, но звук продолжает рваться наружу, и вот я уже, заливаясь слезами, смеюсь у него в объятиях. Ноги едва меня держат, но Даян так крепко меня сжимает, что я с трудом могу дышать.

Я не вижу, но ощущаю его улыбку, чувствую, как по телу брата проходит дрожь от напряжения. Он что-то шепчет в мои волосы, но делает это так тихо, что я не могу разобрать ни слова. Похоже на его личную молитву, поэтому я не прерываю и не спрашиваю. Все мысли путаются, я не могу решить, о чём спросить, что узнать первым.

Даян ослабляет объятия и немного отстраняется, чтобы наконец взглянуть мне в лицо.

— Твои глаза... они вновь разные. — Брат неуверенно касается моего лица, стирая слёзы. — Что произошло? Почему они были карими?

Я открываю рот, чтобы ответить, но замираю, когда справа, в глубине коридора, раздаётся эхо приближающихся шагов. Даян подхватывает меня за талию и, поднимая в воздух, заносит обратно в комнату, тихо прикрывая дверь. Я не успеваю даже ахнуть, настолько легко он это делает, словно я ничего не вешу. Поставив меня на пол, брат заговорщически улыбается и прикладывает палец к своим губам. Я же прикусываю свой согнутый указательный палец, боясь то ли рассмеяться в голос, то ли вновь заплакать. Мы молчим, затаив дыхание, и продолжаем прерванный разговор, лишь когда шаги стихают в противоположной стороне.

— Думаю, тебе не хочется, чтобы наши Назари примчались сюда всей толпой. Что они обязательно и сделают, стоит только им узнать, что ты проснулась. — Хитрая улыбка Даяна ширится, обнажая белоснежные зубы.

Назари... Это слово теплом отзывается в моих воспоминаниях. *Наша свита, наши названные братья и сестра.* Моя память ещё не полностью восстановилась, и я с горечью осознаю, что никак не могу с уверенностью вспомнить их лица. Мне стыдно признаться Даяну, что я едва ли помню нашу семью.

— Я капала специальную настойку в глаз, чтобы изменить цвет. Я ничего не... не помнила... не помнила тебя и... Айлу... и... — начинаю захлёбываться словами, желая скорее попросить прощения, рассказать, почему всё это время я к ним не возвращалась.

— Ойро, не нужно объяснять сейчас.

Даян вновь порывисто обнимает меня, его частое сердцебиение отдаётся мне в щёку, пока я прижи-

маюсь к нему в ответ. Внутри меня уверенность, что мы всегда были близки, но трепет, с которым он едва касается моих волос, проводя по ним ладонью, кажется чем-то новым.

Брат берёт меня за руку и ведёт обратно к кровати.

— Ахна Мальта нам немного рассказала про твою потерю памяти. Мы всё обсудим утром, когда ты выпишься и будешь готова.

— Я думала, что разные глаза — это дефект, — не обращая внимания на его слова, силюсь объяснить я. Теперь мне жаль, что все эти годы я стыдилась этого. Но тогда я не знала, что это моё наследие от обоих родителей.

Мне необходимо, чтобы Даян поверил в искренность моего оправдания. Шумно выдыхаю, а он кивает, продолжая мягко улыбаться. Я жадно оглядываю брата с ног до головы. Пытаюсь припомнить каждую мелкую деталь и сравнить с тем, как он выглядит сейчас. В его серых глазах понимание, брат поглаживает мою ладонь и терпеливо ждёт, пока я перестану учащённо дышать и бояться, что он пропадёт.

— Ты всё ещё выглядишь усталой. У тебя, наверное, множество вопросов, как и у нас. — Брат подталкивает меня к кровати, и я не сопротивляюсь, вновь забираясь под мягкое покрывало. — Но я хочу, чтобы ты отдохнула ещё. А завтра мы все вместе будем говорить столько, сколько влезет. И послезавтра, и после этого.

От его слов на глаза вновь наворачиваются слёзы. Даян присаживается рядом и успокаивающе гладит меня по волосам, а я чувствую себя маленькой, сломленной и счастливой одновременно.

— Теперь впереди у нас вся жизнь. — Брат тянет эту фразу с надеждой, он тоже никак не может перестать рассматривать моё лицо.

Я с трудом заставляю себя моргать, не в силах оторвать взгляд от его сверкающих глаз, поражаясь, что брат, которого я знала раньше, превратился в такого крепкого и уже взрослого мужчину. Хотя для меня он и в детстве был взрослым, был моей опорой. Тот, кто меня всегда понимал и не боялся моего Дара. Он в открытую вставал на пути моей тьмы, когда она бесконтрольно вырывалась наружу и волной затапливала коридоры дворца. Тьма же никогда его не трогала, чувствуя родственную кровь. Наоборот, она всегда обволакивала Даяна, придавая ему сил. Тёрлась у его ног, как верный пёс, готовая помогать и защищать.

С Айлой было иначе. Я безумно любила сестру, а она, благодаря Дару контроля, была терпеливее меня, умела держать себя в руках и всех очаровывать. Любила платья, украшения и праздники. Истинная принцесса и настоящая любимица народа, какой я бы никогда не могла стать. Помню, как после десяти лет я тоже начала интересоваться красивыми нарядами, но изысканность сестры всё равно была на другом уровне. Когда тьма встречала Айлу, она чёрной стеной замирала перед ней, словно перед второй хозяйкой. Моя сила, обычно безумная, перед ней же спокойная, едва колебалась и ждала.

Однако Айла становилась настоящей Калануа, пока до хрипа спорила с нами, не желая признавать поражения в детских играх. Невольно вспоминаю, что в детстве на лице Айлы я замечала такую же опасную улыбку, как у меня и брата, когда она, отходя в сторону, позволяла тьме двигаться дальше. И та неслась вперёд, как счастливое животное, выпущенное побегать на воле. Мы все — потомки Илоса, поэтому, несмотря на внешнее спокойствие и кротость, и в Айле есть знакомая нам дикая тьма.

Я обвожу комнату мимолётным взглядом в поисках сестры, хотя помню, что её здесь нет. В памяти

всплывает произошедшее в Цере, и я знаю, кого точно не смогу встретить завтра.

— Даян... мой друг Дарен. Он у них? — У меня холодеет внутри от предстоящего ответа, но я заставляю себя выдать ещё один вопрос: — Он жив?

Улыбка исчезает с лица Даяна. Впервые за всё время он хмурится и не спешит с ответом.

— Я уверен, что он жив, — задумавшись на мгновение, медленно выговаривает он. — Он им нужен, как ценный пленник и носитель нашего Дара. Но мне пришлось... пришлось оставить его, Ойро. Его сделали марионеткой, а убить наследника Каидана, чтобы освободить подконтрольного, было бы равноценно войне. Я бы развязал Клетусу руки. Каидан имел бы полное право привести армию к границам Илоса, и никто бы не вступился за нас.

Внимательно вслушиваясь в тихий голос Даяна, чувствую, что он скорее убеждает себя, оправдывается перед собой. Клетус тогда был прав. Это гордость нашего рода. Мы никого из своих не оставляем позади, а Даяну пришлось...

— Но ты говоришь, что он твой друг, поэтому мы вытащим его, Ойро. Я обещаю, — он произносит это твёрдо и сильнее сжимает пальцами мою ладонь.

— Я знаю. Я верю тебе, Даян. Больше, чем кому-либо.

Брат медленно выдыхает, а его плечи расслабляются. Меня продолжают пугать мысли о Дарене, оставшемся в Каидане. Знание, что Эол привязал его к себе и теперь может заставить подчиняться, злит меня. Но я обессилена, и эта злость — тлеющая и слабая, а все мои попытки вновь её разжечь — сейчас тщетны.

Я знаю, что Даян говорит искренне, и он сделает всё, чтобы помочь вернуть Дарену свободу. Я должна довериться брату. Сейчас, кроме этого, я больше ничего не могу.

— Ты уйдёшь? — Мои глаза слипаются, но я судорожно цепляюсь за его руку, когда Даян пытается встать с кровати.

Не хочу оставаться одна. Всё ещё боюсь, что это не более чем сон.

— Я могу подождать, пока ты уснёшь, сидя в кресле. Или, если хочешь, я уй...

— Нет! — перебиваю я. — Остайся. Ложись с другой стороны, поспи. И это ведь твоя комната, верно?

На мгновение в серых глазах проскальзывает удивление, он замирает, раздумывая над моим предложением. Нервно закусываю губу, возможно, я смущаю его. Мы не виделись больше шести лет, и я уже достаточно взрослая для подобного, однако прошу брата лечь со мной в одну кровать, как в детстве. Хочу извиниться, но внезапно Даян принимает предложение и ложится с другой стороны. Я внимательно наблюдаю, как брат укладывается на живот, взбивает подушку и обнимает её. Каждое движение кажется мне правильным, привычным и идеально ему подходящим. *Он всегда так делал.* Кровать настолько большая, что даже если он протянет руку, то не дотронется до меня. Я сама поддвигаюсь чуть ближе и протягиваю ему руку, а Даян без лишних возражений хватается за неё в ответ.

— Если Анис, Рушан, Самия или Айла найдут меня здесь утром, то наверняка устроят разнос, — бормочет Даян в подушку, но, в противовес своим словам, вновь поворачивает голову ко мне и демонстрирует довольную улыбку.

Брат ещё немного ёрзает, устраиваясь удобнее.

— Почему? Так... нельзя? — неуверенно спрашиваю я, не зная, что он имеет в виду.

— Нам всё можно, — тянет он. — Но ворчать они начнут, потому что я отправил их по комнатам, а сам пришёл сюда.

Я рада слышать, что с Назари всё хорошо. Сердцебиение ускоряется от мысли, что завтра я увижу их всех, встречу свою семью. И до дрожи в пальцах волнуясь, предвкушая завтрашний день.

Глава 2

Ойро

В следующий раз я просыпаюсь от солнечных лучей, которые из-за распахнутых занавесок бьют прямо в глаза. Жмурюсь и перекатываюсь на широкой кровати, пытаюсь скрыться от яркого света. Воздух в комнате стал в разы теплее, поэтому я дёргаю ногой, скидывая с себя часть одеяла. Птицы в клетке проснулись, наполняя помещение весёлым щебетом. Слепо шарю рукой по кровати, но Даяна уже нет рядом, когда именно он ушёл — я не знаю. Бегло окидываю взглядом балдахин, многоуровневый потолок и убранство комнаты. Расслабляюсь, осознавая, что при свете дня сразу бы узнала спальню брата. Здесь всё в золотых, серых и терракотовых оттенках. *Так, как он любит.*

Сажусь в кровати и понимаю, что в помещении я всё-таки не одна.

С одного из диванов сразу подскакивают Айла и Самия. Сестру хоть мимолётно, но я уже видела в Цере, однако Самию вижу впервые за все эти годы. Ещё ночью я не могла точно вспомнить лицо подруги, но сейчас, взглянув ей в глаза, сразу узнаю.

Её волосы, в отличие от всех Калануа, чуть светлее. Они отливают коричневым, а не чёрным. Сейчас они заплетены в свободную косу, а несколько коротких прядей обрамляют аккуратное лицо. Прямой, слегка вздёрнутый нос, пухлые губы и большие

светло-синие глаза, но при свете дня они кажутся ещё светлее, почти голубыми. Её кожа, как и у Айлы, бледнее, чем у меня или Даяна. На девушке красивое платье песочно-золотистого цвета. Непрозрачная ткань приглушённо сверкает, создавая эффект жидкого золота, струящегося по её телу. Одна рука от плеча до кисти полностью открыта, вторую же скрывает свободно ниспадающая ткань. Улыбаюсь, замечая на запястьях девушки множество браслетов. Самия всегда их любила, хотя в детстве почти не носила из-за постоянных тренировок Назари. На её пальцах несколько колец с драгоценными камнями. Девушка на полголовы выше стоящей рядом Айлы, а это значит, и меня тоже, хотя помню, что в детстве мы были схожего роста.

Айла и Самия напряжённо молчат и, кажется, даже не дышат, а разноцветные глаза сестры широко распахнуты. Мне хочется попросить её хотя бы начать моргать, но я, как и они, не могу выдать ни звука.

Моя младшая сестра оставила волосы распущенными и выбрала платье, похожее по фасону на наряд Самии, но из воздушного материала бледно-персикового цвета. На её руках несколько браслетов и колец, лоб украшает диадема с розовыми топазами и серебряными звёздами. *Совсем как в моём сне.* Хотя я начинаю сомневаться, что мои кошмары были снами.

Я едва успеваю спустить ноги на пол, как Самия приходит в себя первая. Девушка подскакивает ко мне и стискивает в объятиях. Она не сказала ни слова, но теперь плачет, и это настолько неожиданно, что я начинаю гладить её по спине, успокаивая. Бросаю испуганный взгляд на Айлу, но та улыбается, качая головой.

— Самия, у тебя глаза опухнут, — шепло бормочу я, в горле пересохло после длительного сна.

Услышав своё имя из моих уст, девушка заливается слезами пуще прежнего, а я сдавленно смеюсь. Я прекрасно помню, что Самия, как одна из Назари, проходила жёсткие тренировки наравне с остальными. Ей было тяжело, но она никогда не плакала. В первый раз я становлюсь свидетелем её слёз и в глубине души надеюсь, что в последний.

Айла всё-таки помогает мне утешить подругу. Когда нам это удаётся, сестра сама обнимает меня, сжимая руки так крепко, что у меня начинают болеть рёбра и плечи, но я не возражаю. Потом Айла, пытаясь справиться с накатывающими слезами, отводит взгляд, а я же, наоборот, стараюсь её рассмотреть. Она скрывает смущение за серьёзным выражением лица, придирчиво оглядывает состояние сухой кожи на моих руках после работы на кухне, трогает мои волосы, у которых нет того здорового блеска, что есть у волос сестры.

— Мы всё поправим, — уверенно начинает она, будто это действительно так важно, — ты, наконец, дома... и всё будет хорошо.

Айла, как и Даян, гладит меня по волосам, словно маленькую, но я позволяю, чувствуя, что это нужно нам всем. Каждое её простое прикосновение выходит напряжённым, будто она пытается справиться со сдерживаемой злостью или неловкостью. Я сжимаю её пальцы в своих ладонях, ласково улыбаюсь, и только после этого она немного расслабляется. Неожиданно сестра тянет меня, заставляя подняться с кровати.

— Уже перевалило за полдень, мы обещали всем, что поможем тебе одеться и встретимся на дневном чаепитии, — она подталкивает меня в сторону ванной комнаты. — Мы всё приготовим, ты просто умойся. Или, если хочешь, мы поможем тебе. Могу я, например. Или позовём кого-нибудь... служанок...

и попросим их? Я не давлею. Как тебе... захочется или удобнее.

Я недоумённо моргаю, когда секунду назад вполне собранная и сосредоточенная девушка вдруг начинает метаться, мысли её путаются, а слова будто накапывают друг на друга, стремясь как можно быстрее вырваться наружу наперекор её собственной воле.

— Но если нет, то Самия может помочь. Хотя, возможно, со мной тебе будет комфортнее. Или даже одной. Я всё...

— Айла, дыши.

Вспоминаю, что у моей сестры такое и раньше бывало. Если она сильно нервничала, то начинала бессмысленно тараторить, но такое она позволяла себе лишь с близкими. На официальных встречах, даже будучи ребёнком, Айла умела держать себя в руках лучше, чем кто-либо из нас.

Сестра подчиняется, замолкает, делает глубокий вдох и медленный выдох, а потом вновь повторяет упражнение. Я ободряюще ей киваю, вспоминая, что сама научила её так успокаиваться. В душе разливается тепло от того, что она всё ещё применяет тот же способ.

Ухожу умыться в одиночестве, чтобы дать нам всем время принять реальность и успокоиться. Они наполнили для меня ванну. Всё помещение выложено кафелем, а за счёт окна здесь поразительно светло. Я с благодарностью опускаюсь в уже успевшую остыть воду, которая тут же помогает мне взбодриться, и уже через пятнадцать минут возвращаюсь чистой, выжимая волосы мягким полотенцем. Благодаря добавленному в воду маслу моя кожа бархатная и пахнет розами. Но я стараюсь не вести себя глупо и не нюхать свою руку при сестре и Самии.

Айла приносит мне свои платья. Раздумываю, не попросить ли привычные для меня штаны и рубашку, но, прикоснувшись к изящным тканям, не могу по-

давить желание надеть что-то настолько прекрасное, как на сестре. Однако при воспоминании о Дарене моя улыбка вянет, шёлковая юбка выскальзывает из пальцев и падает обратно к остальным нарядам.

— Если тебе не нравится, то я принесу что-нибудь другое, — торопливо предлагает сестра, замечая мой застывший взгляд. Она всегда хорошо меня чувствовала. — Просто ты наследница, выглядеть соответственно — часть нашего долга, и я решила...

— Дело в том, что я не могу выбрать, — обрываю я и прячу тревогу за смущённой улыбкой. — Они все слишком красивые. Ты мне поможешь?

Облегчённый вздох сестры получается шумным. Она тут же принимается осматривать принесённые платья и выбирает наряд серебристо-белого цвета, говоря, что он подчеркнёт мою оливковую кожу. Топ, украшенный вышивкой и сверкающим бисером, оставляет руки полностью открытыми. Мягкая шифоновая юбка начинает струиться прямо под грудью и заканчивается почти у самого пола. Самии удаётся убедить меня надеть разве что только один сверкающий браслет на руку. От всех остальных украшений я твёрдо намерена отказаться, но тут Айла вытаскивает расписную серебряную шкатулку. Все мои протесты остаются невысказанными, потому что я узнаю её. Мама обещала отдать её мне вместе с содержимым, как только я вырасту.

— Я прекрасно помню твои слабости, — с гордостью заявляет сестра, поднимая крышку.

Мамина коллекция браслетов и украшений на лодыжки. Серебряные, золотые и даже бронзовые. Некоторые украшены драгоценными камнями и тонкой сеткой покрывают почти всю ступню, а другие, более простые и лёгкие, предназначены для повседневной носки. В детстве Айла больше любила гребни и заколки для волос, я же испытывала трепет от содержимого этой шкатулки, поэтому губы сестры

растягиваются в довольной улыбке, когда она отдаёт мне мамины драгоценности.

Я принимаю их без возражений, надеваю на лодыжки простые серебряные браслеты и слышу приятный звон, когда маленькие бубенцы приходят в движение от каждого моего шага. Самия даёт мне лёгкие сандалии.

С интересом наблюдаю, как Айла и Самия поправляют свой макияж, чтобы скрыть все следы от слёз. На Островах я ничем не пользовалась, но теперь вспоминаю, что в Илосе девушки действительно подводят глаза чёрной сурьмой, делая взгляд более выразительным. Айла, заметив моё недоумение от большого количества баночек, которые они принесли, подзывает меня к себе. Вкратце напоминает, для чего нужны пудра, тени для глаз и румяна, какие есть оттенки краски для губ. Самия почти сгибается от смеха, наблюдая, как я с трудом убеждаю сестру не мазать мне всё это на лицо. После длительных препирательств соглашаюсь только на сурьму, чтобы подвести глаза, и на едва заметную краску для губ.

Пока Самия расчёсывает мои уже высохшие волосы и заплетает их в свободную косу, как у неё, я узнаю от Айлы последние сплетни. Мы специально игнорируем серьёзные темы и вопросы о прошлом, чтобы не портить это приятное утро. Будь всё по-другому, у нас было бы множество таких непринуждённых моментов вместе. Когда мы бы наряжались, выбирали украшения или сплетничали. Но все эти моменты были у нас отняты. И подобные мысли оставляют привкус горечи во рту, но я молчу, не стремясь их озвучивать.

Я внимательно глядываюсь в лицо сестры, думая, сколько же её слёз я пропустила, сколько из них было из-за меня. Ругалась ли она с Даяном? Тяжело ли ей было видеть меня в зеркале каждый день? Влюблялась ли она? Может, кто-то уже разбил ей сердце,

а меня не было рядом, чтобы оторвать мерзавцу голову. Едва заметная дрожь пробегает по позвоночнику, но я силой воли заглушаю чужой шёпот и концентрируюсь на словах сестры, успокаивая себя тем, что теперь я в любой момент смогу об этом спросить у неё самой.

Айла напоминает мне, как родители впервые узнали о силе перемещения у Даяна. Когда ему было шесть, такой же шестилетний Рушан выскочил из-за угла, чтобы напугать принца. Брат так удивился, что применил свою силу и прыгнул на этаж ниже. Он приземлился прямо на задницу в середине зала совещания, где у отца был в разгаре серьёзный спор с советниками. Они все аж забыли, из-за чего кричали друг на друга, когда наследный принц рухнул на пол. Я заливаюсь хохотом вместе с Самией, вспоминая эту историю. Она не может наскучить, особенно учитывая, каким могущественным стал тот шестилетний мальчик.

Сестра также рассказывает, что мою комнату они не трогали, и если я захочу, то могу вновь поселиться там или выбрать любую другую.

Затем она негодует, что Анис ухлёстывает за каждой красивой девушкой. А в последнее время опять пропадает в городе с новой подругой, может, даже и не одной. Она предупреждает меня не вестись на его сладкие речи, так как по-другому он уже просто не умеет. Айла становится всё более разговорчивой и открытой, поэтому я не перебиваю и жадно впитываю всё, что она и Самия мне рассказывают.

— Кстати, скоро наш день рождения! — внезапно воодушевляется Айла, но её улыбка тает из-за затягивающейся тишины. Я перебираю в голове уклончивые варианты ответа, чтобы не выдать себя. Однако сестра схватывает всё на лету. — Ты не помнишь.

Я коротко киваю, не зная, насколько сильно её расстроит признание, что я даже нашу дату рожде-

ния не в состоянии припомнить. Память хоть и вернулась ко мне, но частично, смазанными отрывками, которые я надеюсь полностью восстановить в будущем.

— Мы родились в самый первый день зимы, Ойро, — понимающе отвечает Айла. — Нужно будет устроить что-то особенное в этом году!

Внезапное предложение сестры вызывает у меня улыбку.

— У тебя что ни год, так что-то особенное, — поддевает Самия.

— Неправда!

— Ещё как правда! Кто в позапрошлом году захотел двухдневный фестиваль, который не стихал даже ночью? А в прошлом году кто так просил в качестве подарка водное представление от теялийцев, что Даяну и Рушану пришлось привести принца и принцессу Теялы? Мне продолжать? — насмешливо наклоняет голову подруга. — А то я и твои детские желания о катании на слоне по Паргаде могу припомнить. И то, как ты едва не уговорила Аниса перенести тебя в Каидан, когда тебе захотелось посмотреть на снег в свой день рождения.

— О! Это я тоже помню, — активно киваю головой я, помогая Самии.

Айла какое-то время молчит, с серьёзным и даже недовольным лицом теревит ткань юбки. Я поджимаю губы, не уверенная, нормально ли это или она обиделась. Оборачиваюсь на Самию, но та ласково улыбается, качая головой. Она заканчивает мою косу и вытяскивает пару прядей, чтобы они обрамляли лицо.

— А Самия и Даян помолвлены! — внезапно выпаливает сестра.

— Предательница! — резко парирует подруга.

В зеркале я вижу, как Самия в шоке таращится на Айлу. Я прищуриваюсь, переводя взгляд с одной на другую.

Вспоминаю, как часто дразнила брата, пророча ему свадьбу с Самией. Тогда мне никто не верил. Теперь сестра с Назари поглядывают на меня с сомнением и стыдом, ожидая реакции. Возможно, они думают, что я могу разозлиться или обидеться, ведь всё это произошло без меня, но в действительности я рада за брата, хоть и старательно прячу любую радость под маской серьёзности.

— Покажи свои волосы, — ровным тоном прошу я подругу.

Самия смущённо поворачивает голову, и я рассматриваю, как по всей её косе тянутся золотые украшения в виде пустынного полумесяца и звёзд. Они вплетены в её каштановые волосы, как знак всем, что перед ними невеста, а я удивляюсь, почему не обратила на это внимания и не вспомнила о нашей традиции раньше.

— Свадьба была? — медленно спрашиваю я.

— Нет, — тут же отрицает Самия, надеясь смягчить меня такой новостью.

— Тогда ладно. Только Даяну не говорите, что вы проболтались, — успокаиваю их я, и они тут же расслабляются. — Хочу посмотреть, как он будет изворачиваться, чтобы сообщить мне об этом лично.

— Мы тоже хотим на это посмотреть, — соглашается Айла, а мои брови приподнимаются вверх, когда улыбка сестры приобретает оттенок хищного предвкушения.

Сестра и Самия тихо смеются, вероятно, догадываясь, что Даяну будет непросто рассказать мне правду. Мне хочется смеяться вместе с ними, хочется мечтать о предстоящих праздниках и радоваться за Даяна и Самию, но мысли о Дарене тяжёлым камнем давят на сердце. Я продолжаю натягивать улыбку, не желая портить и без того хрупкую и временную беззаботность, что мы пытаемся создать.

После этого разговора мы покидаем комнату Даяна, оставляя её в некотором беспорядке. Попадая в длинный коридор, украшенный проходными арками, я забываю про голод. Под моими ногами мраморный пол. Слева стена светло-серого цвета, покрытая рельефной росписью, справа вереница больших окон, но в них нет стёкол, только ажурные решётки, что позволяет воздуху свободно гулять по коридору. Свет проходит, дробясь на узоры, как и в спальне Даяна. Благодаря этому солнце не слепит глаза, лучи проникают отдельно друг от друга, играя по всему коридору и переливаясь от света к тени по нашей коже, когда мы идём вперёд.

Айла берёт меня под руку и уверенно показывает направление. Самия шагает с другой стороны. Мы проходим множество арок и комнат. Богато отделанные светлые помещения сменяются утопающими в сумраке коридорами. Не осмеливаюсь остановиться, чтобы разглядеть убранство. Если бы не сестра рядом, я бы переживала, что могу потеряться.

Всё кажется мне знакомым, но одновременно с этим рождается саднящее чувство, будто я здесь впервые. Сбиваюсь со счёта, сколько раз мы повернули. Эта мысль расстраивает меня сильнее, чем мне бы хотелось.

Я не знаю свой дом.

Лёгкая паника начинает брать верх, руки потеют, и я сжимаю их в кулаки. *Новая одежда, новые украшения, комнаты и коридоры. Слишком много всего нового.* Я чувствую себя самозванкой. Может ли эта жизнь принадлежать мне? Или я вру даже себе? Они думают, что вернули в дом свою потерянную двенадцатилетнюю сестру. Но та девочка умерла, когда мама толкнула её в Теневой залив. Я уверена, что умерла тогда. *Понимают ли они, что я — это не она?*

Я замалчиваю все эти сомнения, поднимая глаза на Айлу и замечая в её взгляде воодушевление и искреннюю радость. Её улыбка робкая, будто она боится сделать что-то не то. *Но это я грубая и могу сделать что-то неправильно, а не они.*

Мы идём по новому коридору, здесь светлее. Это место похоже на длинную галерею: справа уже нет окон, только пустые пространства, прикрытые полупрозрачными занавесками и разделённые мраморными колоннами. Головокружительно красивое место. Но охватывающая меня паника сильнее. До нас доносятся обрывки разговора Даяна с кем-то. Осталось немного, и я встречу остальных членов семьи.

Внезапно для самой себя освобождаю руку из хватки Айлы и замираю на месте, не дойдя буквально несколько метров до последнего поворота. Девушки неуверенно оборачиваются ко мне. Самия хочет взять меня под руку и помочь продолжить путь, но Айла вновь читает меня лучше. Сестра перехватывает руку подруги, окидывает меня беглым взглядом и уводит Самию в сторону комнаты, где нас ожидают.

— Мы подождём, — бросает она напоследок.

У меня получается благодарно кивнуть, пока я слатываю ком в горле. Сердце болезненно бьётся в груди, усиливая чувство тревоги. Девушки поворачивают за угол, а я остаюсь одна. Только теперь позволяю себе выпустить задержанный воздух, и взволнованное дыхание выдаёт меня с головой. Приваливаюсь к холодной стене и трачу минуту, чтобы остановить этот панический приступ. Когда мне это наконец удаётся, ругаю себя за трусость, раздвигаю колышущиеся на ветру занавески и встаю у проёма между колоннами, чтобы взглянуть на небо. Браслеты на лодыжках мягко позвякивают при каждом движении. Этот звук напоминает мне о маме. Она всегда носила подобные украшения, и её лёгкий шаг сопровождался перезвоном бубенчиков.

Пытаюсь успокоиться, считая про себя до тридцати. Упираюсь руками в перила, закрываю глаза, сосредотачиваясь на запахах и тихих звуках родных голосов. *Я так долго ждала встречи со своей семьёй. Так долго хотела узнать, кто я и откуда. Потеряла много лет, но всё равно позволяю себе терять ещё больше, стоя здесь в одиночестве.* Осенний свежий ветер, лаская лицо, немного приводит меня в чувство. Дышать становится легче, мрамор перил приятно холодит ладони. Собираюсь с духом и делаю уверенный шаг назад, чтобы присоединиться к остальным, но спиной упираюсь в чью-то грудь. Едва успеваю вздрогнуть от неожиданности, как тёплые ладони успокаивающе обхватывают мои голые плечи, и я замираю на какое-то мгновение. Медленно поворачиваю вначале голову, а потом и всё тело — и натываюсь взглядом на широкую мужскую грудь в хлопковой рубашке свободного кроя, рукава которой закатаны до локтей. Талия подпоясана кушаком¹, свободные сверху штаны сужаются к голени и заправлены в невысокие сапоги. Он весь в чёрном. Подобный выбор цвета в городе посреди пустыни кажется мне странным. Я запрокидываю голову, чтобы встретиться с серыми глазами. Не такими пугающими, как у брата, темнее, с едва заметным голубым оттенком.

Я вспоминаю мальчика с особенным лицом, к которому все относились с сомнением, кроме нашего узкого круга. Его светлая, как у Айлы, кожа лишь слегка тронута загаром. Сейчас у него высокие скулы, линия челюсти выразительная, но чуть мягче, чем у большинства илосийцев. Прямой нос и красивые губы, но не улыбочивый рот. Его миндалевидные глаза

---

¹ Кушак — пояс из широкого и длинного куска материи, может включать элементы из шнура или ремней. (*Здесь и далее прим. автора.*)

завораживают. Они похожи на раскосые глаза тейлийцев, но у этого молодого мужчины есть двойное веко, что делает глаза больше. Чёрные длинные волосы собраны в высокий хвост, а лицо обрамляют выбившаяся прядь и длинная косая чёлка, которая закрывала бы левый глаз, но прядь делает идеальную волну, оставляя оба глаза открытыми.

Он не удерживает меня, когда я делаю шаг назад, ничего не спрашивает и не бросается обнимать, как делали это другие. Его лицо расслабленное, даже немного хмурое. Он так же внимательно оглядывает меня с ног до головы и терпеливо ждёт.

На плече и торсе под рубашкой я замечаю очертания бинтов. Это он был в Цере вместе с Даяном. *Его кровь капала на красный ковёр.*

— Здравствуй, кахари.

Рушан...

Я специально не называю его по имени. Уголки его губ дёргаются и медленно растягиваются в улыбку. Она едва касается его глаз, но зубы он не показывает.

— Здравствуй, принцесса.

Он принимает эстафету и использует мой титул вместо имени. В ответ я копирую его улыбку.

В детстве это было нашей игрой. Мы чувствовали некоторое роднящее нас одиночество во дворце. Кахари среди королевской свиты и никому неизвестная, скрытая ото всех принцесса. Но вместо того, чтобы стать ближе, мы часто ссорились, сталкивались как во мнениях, так и на тренировочном поле, поддевали друг друга. Я даже не помню, произносила ли я когда-либо его имя вслух, за исключением того единственного раза в шестилетнем возрасте, когда все Назари официально дали свои клятвы верности троим наследникам Илоса. Вначале мы с Рушаном не использовали имена при обращении, чтобы насолить друг другу, но со временем это переросло в привычку

и потеряло былой оскорбительный смысл, став некоей связующей нитью, существующей лишь между нами. Сейчас я запоздало надеюсь, что он знал — я любила его ничуть ни меньше, чем остальных. Если же нет, то теперь у меня хотя бы есть шанс исправить эту ошибку, рассказать ему об этом.

Мне трудно перестать его разглядывать, отмечая, как изменились знакомые черты. В его внимательном взгляде облегчение. То ли потому, что я жива, то ли потому, что помню его. Возможно, и то, и другое. Рушан моргает несколько раз и сводит брови, будто пытается что-то припомнить либо удержать в себе. Решаю, стоит ли прервать эту игру и обнять его первой, как он произносит:

— Ты подросла. — Его голос стал ниже, но у него тёплый тембр.

Эта неловкая фраза повисает между нами, и я не могу сдержать улыбку.

— Ты вроде как тоже, — отвечаю ему в тон, и Рушан хмыкает.

Все наши нормальные разговоры были именно такими. Несуразными и немного неуклюжими, а вот ссорились мы от всей души, и выходило это гораздо естественнее.

— Плед, — вновь осеняет меня.

— Плед?

— Это был ты. Ты помог мне избежать наказания.

Медленно в его глазах отражается понимание, он коротко кивает.

— Мне стоило сразу догадаться, — тихо бормочет Назари себе под нос, вновь внимательно окидывая меня взглядом. — Ты никак не могла быть теялийкой. Твой традиционный поклон был ужасен. Спина должна оставаться прямой, а ты горбилась.

Я слегка наклоняю голову и вопросительно приподнимаю бровь, прикидывая, стоит ли оскорбиться,

но на моём лице появляется предательская улыбка. Я слишком рада его видеть.

— Как... как много ты помнишь?

Он сбивается, и только несвойственная Рушану робость позволяет мне удержать прежнее выражение лица.

— Меньше, чем хотелось бы, — признаюсь я. — Но знаю, что будь мы детьми, то к этому моменту мы бы уже разругались.

— Справедливо, — беззастенчиво соглашается он, и тревога уходит.

Рушан открывает рот, хочет что-то сказать, но колеблется. Он поворачивает голову в сторону угла, за которым скрылись Айла и Самия. А я неожиданно чувствую, что должна что-то вспомнить, какой-то момент из детства. Я уверена, что это что-то важное, но пока этот отрывок — лишь пустующее пространство, которое мне не удастся заполнить необходимым воспоминанием.

— Нам стоит присоединиться к остальным, — прерывает мою мысль кахари. — Конечно, если ты не хочешь помучить Аниса. Он и так ждёт дольше всех, чтобы увидеть тебя.

Не дожидаясь ответа, он поворачивается ко мне и, сгибая руку в локте, предлагает ухватиться за неё. Этот простой жест застаёт меня врасплох. Я вновь оглядываю Рушана, осознавая, что он больше не тот подросток, с которым мы цапались при любом удобном случае. Вспоминаю, как часто он дразнил меня тем, что я не могла поднять меч из-за его тяжести. Рушан вопросительно приподнимает бровь, замечая, что я смотрю на его руку с сомнением и опаской, будто на ней сидит змея. Я не хочу, чтобы кахари считал меня слабой и опекал, но всё-таки обхватываю его предплечье и позволяю вести себя. *Только сегодня.*

— Они спокойны уже вторые сутки. Я удивился, когда вышел сегодня ночью на патруль. — Незнакомый мужской голос.

— И что? — Мы приближаемся, и я различаю голос Даяна.

— И ничего! Тишина.

— Это может быть связано с тем, что произошло в Цере?

— Возможно. Хотя нельзя судить по одной ночи.

— Верно. Сегодня я сам проверю.

За поворотом узкий проход, ведущий на просторный балкон. Окон вновь нет, лишь мраморные колонны и лёгкие занавески между ними. Моя семья расположилась в углу на нескольких диванах с мягкими подушками. Перед ними круглые металлические столики, заполненные чашами со свежими фруктами и тарелками со сладостями. Из носиков нескольких чайников всё ещё идёт пар. Нас много, потому они придвинули несколько мягких кресел, создавая уютный круг вокруг столиков. Как только мы появляемся на балконе, все замолкают и поспешно поднимаются со своих мест, глядя на нас с Рушаном. Все лица мне знакомы, кроме одного.

Анис.

Теперь я вспоминаю и его, удивляясь, как могла забыть эти кудрявые волосы, хотя сейчас кудри уже не такие тугие, как были в детстве. Тогда у парня вокруг головы была огромная курчавая копна тёмных волос, поэтому мы легко замечали его издалека.

Сейчас же причёска совершенно другая: сзади и по бокам волосы коротко подстрижены, лишь верх остаётся длинным. Анису очень идёт, теперь уже полурасслабленные завитки падают ему на лоб и глаза. Он, как и другие илосийцы, обладает оливковой кожей, выделяющимися скулами и угловатой челюстью. Без улыбки это лицо излишне серьёзного или даже опасного человека, особенно если взять в

расчёт, что в телосложении он ничуть не уступает наследному принцу. На нём штаны и рубашка, подвязанная кушаком, но, в отличие от Рушана, в бежевых оттенках. Поверх всего чёрный уличный халат, украшенный золотой нитью.

Назари растягивает губы в широкой улыбке, от чего у него появляются глубокие ямочки на щеках, и он превращается в того же озорного друга, которым был в детстве. Карие глаза сверкают, когда он смешно вертит головой, переводя взгляд с меня на Айлу и обратно. А потом, не отрывая от меня глаз, словно я могу исчезнуть, если он моргнёт, Анис пытается перелезть через кресло, в котором сидел, но спотыкается и почти падает вместе с ним. Все смеются, а друг, не обращая внимания, подскакивает ко мне и без малейшего стеснения сжимает в объятиях. Я едва не задыхаюсь, утыкаясь носом ему в грудь. Он приятно пахнет сладким лимоном. Если остальные испытывали хоть немного смущения после длительного расставания, то Анис подобными тревогами не страдает. Он пальцами зарывается в мои волосы, губами касается макушки, а ослабляет хватку, только когда я начинаю несильно бить его по спине, чтобы он позволил мне сделать полноценный вдох.

— Я так и знал, что вы уже все встретились с Ойро, — обиженно бросает он остальным и разглядывает моё лицо, крепко держа его в своих ладонях. — Как всегда, я последний!

Чувствую мозоли на его руках — скорее всего, от меча и лука, — а на лице Аниса вижу множество веснушек, рассыпанных по щекам и носу. Почти до боли сминаю края его халата с широкими рукавами, сдерживаясь, чтобы не заплакать от переполняющего меня счастья, что все они вновь со мной.

— Всё в порядке, Ойро? У тебя такое лицо, — замечает перемену друг и хмурится. — Рушан успел тебя обидеть? Мне ему наподдать?

— Почему всегда я что-то не так сделал? — наигранно сокрушается кахари, шумно падая на один из диванов.

— Есфли ты продоф... я фама тебе... — пытаюсь выдавить я, пока Анис ощупывает моё лицо, словно оно может быть подделкой.

— Что такое, любовь моя? — удивляется Анис, вскидывая брови.

Я с трудом отцепляю руки друга от лица, чувствуя, что оно уже покраснело от его пальцев.

— Говорю, если продолжишь мне так щёки мять, я тебе сама наподам.

Карие глаза распахиваются шире, и вместе со всеми он заливается хохотом.

— Да, это точно наша Ойро. Всегда ненавидела, если я трогал её лицо.

— Тебе вообще пора перестать просто так трогать женские лица, — иронично бросает Самия.

Анис обхватывает мою ладонь и подводит к столикам, он не позволяет мне выбрать место, а по-собственнически сажает между собой и Айлой. Друг не выпускает моей руки и переплетает наши пальцы. В этом жесте нет ничего интимного, только волнение и его старые привычки. Анис с детства любил прикосновения, они для него жизненно необходимы. Он всегда держал за руку либо меня, либо Айлу. Я улыбаюсь, наблюдая за его пальцами, что стискивают мою ладонь. Анис наливает мне чай в чашку из матового стекла и пододвигает фрукты поближе. Заботливо кидает в ароматный напиток несколько листиков мяты и кусочек лимона. Всё это он делает левой рукой, потому что не хочет размыкать наши сцепленные пальцы. Моя улыбка всё ширится от каждого его взгляда. Друг тянет руки то к одному блюду, то к другому, наблюдает за моей реакцией, решая, что из угощений может мне понравиться больше.

— Ойро, взгляни! Это печенье ты всегда любила, — воодушевлённо напоминает Анис, пододвигая поближе тарелку с небольшими лакомствами, посыпанными кунжутом. — Оно с сахарным лимонным сиропом и корицей.

Стоит мне взглянуть на изысканные угощения и носом втянуть забытые ароматы, как тупая боль в желудке напоминает о том, что я давно не ела. Я набрасываюсь на еду, но жую нарочито медленнее, чем мне бы хотелось, чтобы выглядеть подобающе. В детстве, когда мы оставались одни, между собой нас не заботил этикет. Только Айла никогда не вступала в мелкие драки за самую любимую еду. Но мы больше не дети, и если они все знают новые правила, то я пока в неведении.

Рушан тоже приступает к еде, а остальные тем временем рассказывают новости. Напоминают об устройстве города и дворца, помогая вернуть воспоминания. К моему разочарованию, пока у меня слишком много пробелов. Я вспоминаю слухи о том, что Паргада находится под песком, но сейчас мы как минимум на третьем этаже. Спрашиваю свою семью об этом. Но они вдруг замолкают, и я захлопываю рот, переживая, что сказала что-то не то.

— Извините, я бы хотела всё помнить...

— Нет, Ойро, ты не так поняла, — моментально обрывает меня Даян. — Мы просто удивлены, не более. Тебе абсолютно нечего стыдиться. Слава Первым, ты снова с нами, а память вернётся. Мы все об этом позаботимся.

Остальные согласно кивают. Я обвожу присутствующих благодарным взглядом.

— Так что не извиняйся впредь за такие пустяки. — Брат откидывается на спинку дивана, запахивая свой парчовый халат белого цвета. Он расписан золотыми нитями, а на плечах можно заметить шитые драгоценные камни. — То, что ты слыша-

ла — правда, но наполовину. Лишь часть Паргады прячется под песками — остатки древнего города, который был ещё до появления самого Илоса здесь. Наши предки там всё восстановили, считая подобные сооружения очень полезными в столь жарком климате. Даже этот дворец имеет подземную часть. Если захочешь, сегодня кто-нибудь проведёт для тебя экскурсию.

Я с радостью соглашаюсь. Мы договариваемся, что в ближайшие дни я посмотрю дворец, сад и близлежащую территорию. А потом мы обязательно выйдем в город.

Прошу брата позволить мне присоединиться к тренировкам, и он сразу соглашается. Также Даян делится, что за эти годы ему удалось затащить Айлу на тренировочное поле. Теперь она хоть немного орудует коротким мечом и удивительно хороша с луком. Я с наигранным удивлением смотрю на своего близнеца.

— Что вы сделали с моей сестрой? Она раньше даже мясо на своей тарелке резать сама не любила!

Это правда, за неё это обычно делал отец. Айла — единственная из нас, кто за всё детство и шагуну сделала на тренировочное поле. Оружие её не интересовало.

Рушан чуть не давится чаем после моей фразы, а Анис и Даян смеются так, что первый едва не опрокидывает ногой один из столиков. Самия закусывает нижнюю губу, но несколько смешков всё-таки вырывается. Айла, как и подобает принцессе, бросает на нас скушающий взгляд и игнорирует мой выпад.

— Ваш план в Цере был отвратителен! — припоминаю я недавние события, когда веселье утихает. — Или скажете, что у вас был запасной козырь в рукаве?

Я говорю твёрдо, переводя выразительный взгляд с одного на другого. Неловкость почти осязаемо по-

висает в воздухе, Рушан и Анис делают вид, что сейчас нет ничего интереснее закусок на столе. Даян округляет глаза и отводит их, стремительно пытаясь придумать ответ. Я поворачиваюсь к Айле, которая притворяется, что пьёт чай, но тот немилосердно заканчивается, и ей приходится вернуть чашку на блюде.

— Теперь я догадываюсь, что вы переносили людей из тюрьмы, но свадьба зачем? — решаю я помочь им с началом объяснений.

— Нам нужно было всех отвлечь. Вначале мы пытались всё подвести к простой помолвке, но Клетус не хотел уступать. Пришлось согласиться на свадьбу, — признаётся сестра. — С её помощью мы смогли собрать всех Квинтилиев и высокопоставленных каиданцев в одном месте. Главную тюрьму почти не охраняли, не считая рядовых солдат и лейтенантов.

— И даже при этом пришлось потрудиться, чтобы туда забраться. Никто из нас не мог переместиться в место, которое не видел, — пытается смягчить моё недовольство Даян.

— Дай угадаю. Этот изощрённый план принадлежит Айле?

— Точно.

— Ужасный план, — ровным тоном выдаю я свой вердикт.

— Не то слово, — поддерживает меня брат.

— А твой был каким?

— Я предложил просто поджечь весь дворец Церы ночью, — без капли стеснения признаётся Даян, расплываясь в белозубой улыбке.

— Вот на это я бы посмотрела, — бесстыдно копирую его улыбку, но моментально получаю локтем под рёбра от сестры, а Анис и Самия заходятся в смехе.

— Верно говорят, что у Илоса и его потомков чёрное сердце, — напоминает нам всем Рушан о старом слухе.

— У тебя такое же, — моментально парирует Айла, и Назари кивает, соглашаясь.

— План в целом удался, но я поддерживаю Ойро. Повторять пройденное у меня нет ни малейшего желания, — привлекает к себе внимание Анис.

— Что ты сделал?

В ответ на мой вопрос парень забавно морщит нос, но не успевает ничего ответить, потому что за него рассказывает Даян.

— У Аниса была особая и очень ответственная роль, — серьёзно начинает брат. Я прекращаю есть, напрягаясь в ожидании. — Он первым с ещё тремя ребятами залез в Нурим — кайданскую тюрьму — и осмотрел местность. Нашёл, где прячут наших людей.

— Называйте всё своими именами, ваше высочество, — недовольно парирует Анис и поворачивается в мою сторону. — Мне пришлось лезть по канализации. Благо система идентична с той, что есть в Исаре, скорее всего, именно исарийцы её придумали.

— Канализация? — переспрашиваю я.

— Ради Илоса, не спрашивай, как там пахнет, любовь моя. После подобной прогулки свои сапоги я сжёг, решив, что их не спасти.

Все силы я трачу, чтобы сдержать смех, представляя, как одному из генералов Илоса и Назари приходится пробираться по сточным трубам.

— Ты только не плачь, Даян купит тебе новые, — иронично наклоняет голову набок Рушан, отклоняется на спинку и складывает руки на груди.

— В следующий раз ты пойдёшь по дерьму, а я буду спать в комнате Айлы!

— Я не виноват, ты сам вытянул короткую соломинку.

— Анис вечно вытягивает короткую соломинку, — поясняет для меня Самия, а остальных веселит хмурое выражение лица кудрявого Назари.

Мы много смеёмся и шутим, вспоминая прошлое. Я с облегчением понимаю, что они изменились, но не так сильно, чтобы я не могла их узнать. Они выросли, поумнели, правили целой страной уже не один год, прошли через множество проблем, но не сломались. Мы пока что избегаем серьёзных тем, но они осязаемой тенью висят над нашими головами, и сегодня, как бы то ни было, нам придётся их коснуться.

Спустя несколько часов разговоров, после того как все отсмеялись из-за очередного воспоминания из детства, повисает тишина, которую никто не стремится прерывать.

— Ойро, покажи нам, — внезапно серьёзно просит Анис.

Остальные замирают, кажется, даже задерживают дыхание. Я понимаю, что Анис просто первый, кто решился попросить меня об этом.

— Рассказать? — уточняю я.

— Нет, покажи нам. Покажи, что произошло с тобой за эти годы.

Теперь становится заметнее, как им всем тяжело даётся терпение. Особенно Айле и Даяну. Их лица напряжены в ожидании моего решения, и в этот момент они очень похожи.

— Как я могу показать?

— Айла поможет с этим, — говорит брат, а я с недоумением поворачиваюсь к сестре.

— Мой основной Дар — это сдерживать твой, но есть и побочный, подобно твоему исцелению. Я также могу видеть прошлое через прикосновение и даже передавать картинки другим. Эта сила проявилась после твоего исчезновения.

Похоже, мои глаза сильно расширяются, потому что сестра начинает махать руками, торопливо дополняя:

— Но я могу увидеть только то, что ты мне позволишь. Для других достаточно прикосновения, но

родственная кровь... защищает от моего вмешательства, — она виновато улыбается.

— То есть, например, от Назари тебе разрешения не нужно? — Я поражена, её Дар кажется интересным.

Айла кивает, и я слышу мелодичный звон её длинных серёжек.

— Но она поклялась никогда больше этого не делать.

Рушану вовсе не до смеха, он пугающе серьёзен и хмуро смотрит на Айлу, когда та, потупив взгляд, вновь кивает. Он сказал «больше», значит, она уже видела что-то. Что-то, чего не должна была.

— То есть ты сможешь показать всем одновременно? — Я меняю тему, чтобы сгладить возникшее напряжение. Айла благодарно касается моего колена, а я сдерживаю собственный интерес к произошедшему между ней и Рушаном.

Серебряной ложкой тщательно перемешиваю остывший чай в чашке, сахар растворяется очень медленно.

— Да, я могу показать остальным.

— Вы просто увидите? Или... вы так же будете чувствовать что-то? — стараюсь придать голосу безразличный тон.

— Мы будем чувствовать всё, что чувствовала ты, но не так остро. Словно это наше личное, далёкое воспоминание, — отвечает за сестру Даян, пока Айла мешкает с ответом.

Случайно я делаю слишком резкое движение, и ложка бьёт по краю чашки, стеклянный звон режет по ушам в повисшей тишине. Я благодарна, когда все притворяются, что ничего не заметили. Они не дают на меня и молча ждут, старательно делая вид, что тишина их не тяготит. Я не могу выбрать между желанием полностью открыться моей семье и опаской, что им придётся пережить мою боль как свою. Мор-

щусь от мысли, что они будут чувствовать каждый удар плети по моей спине. Но, взглянув на их лица сейчас и видя, как они упрямо стараются на меня не смотреть, я замечаю то, чего не видела раньше.

Вину.

Ко мне мгновенно приходит осознание, что всё это время они винули себя в моей смерти. Сестра, которая должна была поехать с мамой в путешествие. Старший брат, уверенный в том, что должен оберегать меня и Айлу от всего. И Назари, чья главная задача — защита и поддержка королевских отпрысков. Их тяготит чувство вины, потому что их не было рядом, когда они были мне нужны больше всего. Я тоже оставила близких, но они были во дворце, в безопасности. И оставались семьёй, хоть и не полной.

У них был отец. Эта мысль словно ножом режет мне сердце, и я непроизвольно стискиваю платье на груди, но тут же отпускаю, перехватывая обеспокоенный взгляд Даяна. Я не готова думать об отце.

— Все эти годы я жила на Островах...

Никто уже не ожидал от меня рассказа, поэтому все одновременно поднимают глаза, моментально реагируя на мои первые слова.

— Я до сих пор плохо помню, как там оказалась, но меня нашла теялийка в трюме корабля, причалившего в Город. — Первые слова выходят с трудом. Приходится почти с силой выталкивать их из горла, но постепенно я расслабляюсь, и речь идёт плавнее. — У меня были разные глаза, и я была вся в крови, но она не испугалась и забрала к себе домой. Они стали мне приёмными родителями и воспитывали как свою дочь, которую потеряли, когда та была ребёнком. Теялийку зовут Лайла, а мужа её зовут Рой. Рой Сесциа.

Я так и знала, что эта фамилия им знакома. Почти все, не сдерживаясь, с изумлением смотрят на меня.

— Тот самый Рой Сесциа? Каиданец? — уточняет Рушан.

Я киваю.

— Он бывший капитан королевской гвардии! — всё ещё не веря в совпадение, поддерживает друга Даян. — Он почти легенда в Каидане. Но я думал, что он умер. По крайней мере, до нас дошли слухи об этом.

Киваю ещё раз и дополняю рассказ:

— Он жив, хотя я никогда не спрашивала, почему он покинул Каидан. Сесциа — хорошие люди, вряд ли я бы выжила, если бы не они. Остальное я покажу. Что мне сделать для этого, Айла?

Сестра мягко улыбается и протягивает раскрытую ладонь.

— Просто возьми меня за руку. Мы образуем круг.

После того, как она это говорит, все берутся за руки. С другой стороны руку моей сестры обхватывает Самия, потом следуют Рушан и Даян. Круг замыкается, когда Даян протягивает руку Анису.

— А теперь, Ойро, просто вспоминай то, что ты хочешь нам показать.

Сестра говорит мягко, успокаивающе. Её кожа начинает сверкать, как будто присыпанная звёздной пудрой. Айла закрывает глаза, концентрируясь. Остальные следуют её примеру. Я же не смыкаю век, раздумываю какое-то время, с чего начать. А определившись, начинаю прокручивать в голове калейдоскоп воспоминаний, при этом чувствуя, как ладони покалывает. Показываю всё по порядку. Решаю не оскорблять близких, умалчивая правду, поэтому открываю всё, что могу.

Вначале воспоминания идут тяжело и сбивчиво, но потом сестра словно хватается за другой конец и тянет на себя, передавая дальше. Моя жизнь в ускоренном темпе начинает проноситься перед глаза-

ми. Я начинаю с момента, когда Лайла нашла меня. Вновь переживаю свои первые годы одиночества и отчаяния, чувствуя себя преданной собственной памятью. Показываю знакомство с Дареном, первый ужас от встречи со Смотрителями, приступы злости, которые я не могла подавить, уроки с Роем, истории Мальты на площади. Показываю Теренса, Дастина и даже Марка. Мои близкие видят, как Дарен подарил мне два клинка, как мы бежали с Островов и наткнулись на заблокированный порт Илоса, из-за чего Элиот решил свернуть в сторону Теялы. Они чувствуют мои кошмары рядом с Теневым заливом, и Айла вздрагивает всем телом из-за ощущения каиданской стрелы в моём плече. Я показываю, как мы достигли Илоса и какой опорой для меня был Дарен. Хочу, чтобы они поняли, почему я пойду на многое, лишь бы вернуть друга. Намеренно скрываю наши с ним странные отношения, начавшие формироваться в пути, и сразу показываю, как на нас напали Падшие. Анис шипит, чувствуя мою боль от смерти Теренса, а Айла невольно впивается в мою ладонь ногтями. На пару секунд я открываю глаза и замечаю искажённое напряжением лицо Самии. До этого момента я выбирала воспоминания, но теперь отпускаю их все, и те волной несутся дальше. Я больше ничего не скрываю, показываю всё как есть. Показываю, как демоны в моей тьме ломали врагам кости, все слышат противные звуки рвущихся мышц. Лицо сестры приобретает серый оттенок, и я вырываю руку, прерывая воспоминания.

— Айла, ты уверена, что всё нормально? Твои губы побледнели.

Девушка трёт щёки, покусывая губы, чтобы те вновь приобрели нормальный оттенок, а потом сердитым взглядом смотрит на Рушана.

— Ты об этом говорил?

— Да, — отвечает кахари.

— Ты нашёл того падальщика?

Рушан растягивается в кровожадной улыбке, которую я никогда раньше не видела.

— Нашёл. Так что он заслужил свой конец.

— Мы почувствовали это, — обращается ко мне Самия, замечая, что я ничего не понимаю. — Ту тьму и демонов, что ты вызвала. Ту вибрацию, что ты послала, почувствовал каждый из нас, словно она прошла через наши тела. Но тогда у нас были проблемы с каиданцами в портовом городе, поэтому отправиться и проверить смог один Рушан через пять часов после случившегося. Он рассказал, что нашёл следы борьбы... части тел и брони. Оружие и одно тело с перерезанным горлом.

— Теренс, — едва слышно выдыхаю я.

— Да, — кивает Рушан. — Я догнал лидера Падших, до которого ты не смогла добраться. Тогда я решил, что он сумасшедший, ведь он нёс какой-то сбивчивый бред, но теперь я понимаю, насколько правдивы были его слова. Принцесса, тебе не нужно его искать. Я завершил твою месть и похоронил твоего друга по нашим традициям. Сжёл его тело, а пепел развеял над пустыней.

Я благодарно киваю, но Теренс остаётся мёртвым, поэтому мысль о законченной мести не приносит удовлетворения. Некоторое время мы сидим в тишине.

— Я также видел следы, — вдруг натянуто продолжает Рушан. — Уходящие на север следы от повозок и конницы. Последовал по ним, но быстро бросил затею, когда увидел, что они обрываются. Скорее всего, виной была песчаная буря. Если бы я двинулся дальше к границе...

Медленно понимаю, к чему он ведёт. Замечаю, как Рушан нервно сжимает и разжимает пальцы в кулак.

— Всё хорошо. Вряд ли бы ты нас нашёл, — успокаиваю его я.

— Я был близко... — возражает тот.

— Ойро права, Рушан. Я уверен, их сопровождали воины с Даром, способные отражать свет и становиться невидимыми. Только такие ускользают от наших патрулей, — помогает мне Даян.

Кахари не особо верит в наши доводы, но больше не продолжает. Айла вновь протягивает руку, приглашая продолжить.

— Ты была так близко к нам, а мы и не знали, — разочарованно бросает она. — Доверь нам остальное, Ойро. Доверь нам всё.

Мы все вновь берёмся за руки, и я продолжаю. Показываю свой путь в повозке. Хочу как можно быстрее проскочить воспоминания о жгутах, но Айла чувствует и сильно стискивает мне руку. Я уступаю. Даю им почувствовать безумие и боль от рваной кожи на руках. Наш побег и разбитую надежду, когда топор опустил на шею миссис Отеро. Сама злюсь, замечая, что даже Даян морщится от ощущения плети на спине. Показываю им Церу и дворец. Пытаюсь вспомнить каждый стратегически важный поворот и тайный коридор. Слышу злую брань друзей, когда позволяю увидеть, как каиданец прижимал меня к стене и поднимал юбку. В этот момент мы все чувствуем вырвавшуюся из Рушана силу, она словно слабая звуковая волна. Все напитки на столе за мгновение с треском превращаются в лёд.

Я меняю воспоминание, показываю встречу с Эолом, а потом резко перепрыгиваю на свадьбу. Как я узнала своего брата и сестру, как ко мне вернулись воспоминания, как узнала убийцу матери и отпустила тьму, наслаждаясь паникой. Показываю свой диалог с Эолом и как он предательски подчинил Дарена, чтобы тот убил меня. На этом я останавливаюсь.

Даю им немного времени переварить. Свет Айлы меркнет, и сестра трёт лицо, пытаясь справиться с дрожью в пальцах.

— Теперь ты понимаешь, Даян, почему... почему я не могла бросить Дарена?

— Да. Я клянусь, Ойро, что мы вытащим его. — Брат прикладывает ладонь к груди. Знак искреннего обещания. Я чувствую подкатывающие слёзы, когда Анис, Рушан и Самия молча делают то же самое. Дают своё слово ради человека, которого даже не знают. — Завтра же мы соберём Совет и придумаем план. В любом случае нельзя оставлять им человека, способного перемещаться, но он под контролем, и эту проблему труднее всего решить.

Я благодарно киваю, понимая, что теперь мы не можем просто так в открытую ворваться во дворец Церы и забрать моего друга. Последствия каждого нашего действия в сторону Каидана будут отражаться на всём Илосе и его жителях. Я — член королевской семьи, и теперь приходится действовать в разы осторожнее. Перевожу взгляд на стол.

— Но что произошло с чаем? — стучу ложкой по куску тёмно-оранжевого льда в своей чашке. Во всех остальных ёмкостях тоже лёд.

— Я случайно. — Рушан растягивает губы в усмешке без тени вины.

Произошедшее помогает мне вспомнить один из наших главных секретов. Этот заносчивый парень при рождении умудрился получить способности от обоих родителей. Дар Тьмы и Дар Воды. словно ещё до начала праздника успел с каждого стола стащить по куску пирога. Однако это как можно тщательнее скрывается ото всех. Любой правитель, узнав о кахари с двумя Дарами, посчитает его угрозой, от которой нужно избавиться.

— Я свой ещё не допил, — вздыхает Анис. — Разморозь обратно.

— Сейчас подгадет и будет со льдом. Твой любимый, — игнорируя приказ, кахари пожимает плечами и откидывается на спинку дивана.

— Да он просто не умеет, — улыбается Самия, останавливая Аниса, намеревающегося вступить в словесную перепалку.

— Это не всё, Ойро, — Айла говорит так тихо, что только я могу разобрать её слова. Она всё время продолжает напряжённо смотреть в пол, нервно теребя ткань платья на колене.

Сестра права. Это не всё. Я не показала им, как на нас с мамой напали. Что произошло, как я ускользнула от нападавших и как мама умерла. Я также пропустила сон с воспоминаниями об этом дне. Глупо было надеяться, что они не заметят и просто забудут. Но если они один раз увидят, то, как и я, не смогут об этом забыть. Не смогут избавиться от этих кошмаров. Хотя они все уже не дети, я всё же не хочу, чтобы они видели, как избивают их мать и ребёнка, коим я была.

— Не все воспоминания стоит смотреть.

Аккуратно беру Айлу за руки и заставляю взглянуть на себя. Игнорирую то, что посторонние разговоры вновь стихают и все внимательно следят за нами.

— Я не такая слабая, как раньше, Ойро. — Сестра недовольно хмурит брови, и я едва сдерживаюсь, чтобы не улыбнуться. Сейчас она как никогда похожа на себя прежнюю.

— Знаю.

— Я хочу знать, что именно произошло.

— Понимаю, поэтому чуть позже я расскажу, но показывать...

— Я не помню её лица.

Она говорит о маме. Это откровение даётся ей болезненно. Я замираю, не зная, что сказать. Смотрю

на Даяна, но тот качает головой, возможно, он тоже не знал.

— Оно всегда размытое, я никак не могу вспомнить её чётко, будто моих личных воспоминаний уже недостаточно, чтобы воскресить маму в памяти, — признаётся сестра, и мне искренне жаль, что ей приходится чувствовать подобное. Айла была в разы ближе с мамой, чем я.

— Если я покажу, вы... никто из вас не сможет этого забыть, — отвечаю я откровением на откровение. — Вы не сможете это стереть, не думать об этом, не видеть этого во снах. Даже спустя время, проживая обычный или же хороший день, вы посмотрите на небо, а перед глазами появится эта картина. Без стараний или напоминания. Она всегда будет с вами.

Я медленно обвожу их всех взглядом, пытаюсь убедить, что эта правда не стоит того, но не встречаю сомнений в знакомых глазах. Все, наоборот, смотрят на меня твёрдо и упрямо, продолжая молчать. Тяжело вздыхаю, понимая, что у меня невообразимо упёртая семья, и нехотя протягиваю руку сестре. Айла хватается за неё поспешно, боясь, что я передумаю. Мне снова приходится пережить тот вечер, а дорогим мне людям увидеть, как несколько крепких мужчин избивают их малолетнюю сестру. Я показываю всё. И как впервые перерезала человеку горло, и как меня били ногами, а мама, используя силу, сложила череп живого человека вовнутрь. Как она толкнула меня, а в её спину попали стрелы, и как я, задыхаясь, ушла под воду Теневого залива.

Когда всё заканчивается, Айлу выворачивает прямо в пустую чашу из-под фруктов, которую Самия едва успевает ей протянуть. Сама она держится, хоть её лицо и приобрело серый оттенок. Они наверняка знакомы с насилием, но видеть насилие над родными — это совсем другое. Сестра вяло извиняется и

понуру уходит в ближайшую умывальню, чтобы привести себя в порядок. Даян трёт лицо руками, Анис смотрит в пол, склонив голову. Рушан сосредоточенно разглядывает замороженный чай, думая о чём-то своём.

Настроение у всех полностью испорчено.

— Я... Ойро, мне и вправду... — Брат подбирает слова, но я приподнимаю руку, останавливая его.

— Не нужно, Даян. Тут нечего говорить. Это воспоминание. Ему уже много лет.

Они хоть и стараются это скрыть, но их плечи заметно расслабляются. Чувствую, что им становится немного легче после моих слов.

— Будет лучше, если и вы попытаетесь не воспринимать бывшее настолько остро и отвлечётесь. Прогулка может быть хорошей идеей, или можете выпустить пар на тренировке. Раньше вам вроде это помогало. — Я нарочито равнодушно пожимаю плечами, пытаюсь вернуться к тому беззаботному настроению, что было в начале встречи. — Думаю, никто не обидится, если вы разгромите тренировочное поле. Как вы видели, я сделала в Цере кое-что похуже.

— И мы очень гордимся тобой. — Уголки губ Даяна приподнимаются в слабой, но улыбке.

— Идея неплохая, кстати, — помогает мне Анис, вставая. — Мы здесь уже несколько часов просидели. Ещё немного, и солнце сядет.

— Я бы с радостью присоединилась, но сегодня лучше побуду с Айлой, — говорю я, поднимаясь.

Назари и брат предлагают меня проводить, чтобы ещё побыть вместе, но я знаю, что сейчас им нужно время для осмысления увиденного. Я прощаюсь с родными до ужина и выхожу в коридор в поисках сестры, оставляя возможность остальным обсудить то, что они увидели, ведь в моём присутствии они никогда не станут этого делать.

Глава 3

Ойро

Натыкаюсь на Айлу в коридоре, когда она возвращается к нам. В ответ на немой вопрос я подхватываю сестру под руку и увожу в противоположном направлении.

— Ты использовала много сил, давай я провожу тебя до комнаты, и ты отдохнёшь, — предлагаю я, успокаивающе поглаживая её кисть.

Сестра устало кивает и ведёт нас через длинные коридоры в сторону своих покоев. Я же пытаюсь в очередной раз запомнить путь. Лицо и губы сестры всё ещё бледнее обычного, она идёт медленно, нередко шаркая по полу, словно ей трудно поднимать ноги.

— Прости, что из-за нас тебе пришлось всё заново пережить. Мне не стоило просить, — сожалеет она.

— Не переживай об этом, — натянуто улыбаюсь я. — Возможно, у вас было в разы больше времени, чтобы смириться с маминой потерей, пока я ничего не помнила. Но я хотя бы видела это воспоминание раньше, ещё в начале своего путешествия. Хоть и думала, что это сон, у меня была возможность переварить увиденное. Вам же пришлось наблюдать за произошедшим впервые. Однако ты знаешь, что мы не закончили.

Качающая головой в такт моим словам Айла поднимает глаза на меня.

— Отец, — подсказываю я.

— Точно. Ты... хочешь увидеть сейчас?

— Нет. Вначале тебе стоит отдохнуть.

И я пока не готова.

Сестра слабо кивает, вновь переводя взгляд под ноги.

Комната Айлы располагается на этаж выше комнаты Даяна. По размеру они похожи, только в комнате сестры больше светлых оттенков. В основном белые, серебристые и персиковые. Огромная кровать из светлого дерева с балдахином стоит в украшенной росписью нише. Вместо шкафа для одежды у неё целая отдельная гардеробная, где аккуратно развешаны наряды. Большой туалетный столик с зеркалом в позолоченной раме. На столике множество украшений в беспорядке, как будто перед уходом она что-то искала и не успела разложить по местам. Диваны и кресла обиты парчой персикового цвета, а огромные окна впускают в комнату весь доступный свет уходящего солнца, потому что почти все они распахнуты.

— Я забыла тебе кое-что отдать. Точнее, по правилам, мы должны были это захоронить с тобой, но тела... — Айла осекается, а я вновь глажу её по руке, успокаивая и намекая, что её слова меня не обижают. — Его не было. Даян сказал, что стоит захоронить вместе с мамой, но я не смогла.

Сестра отходит к своему туалетному столику и бубнит конец предложения себе под нос, роясь в ящичке и умножая беспорядок.

— Я сказала брату, что так и сделаю, но забрала эти вещи себе. Почему-то была уверена, что не должна их сжигать и... хотелось, чтобы у меня осталось что-то от тебя.

Наконец она находит то, что искала, и протягивает мне. Вначале я с сомнением смотрю на вещи, которые она пытается отдать. Не сразу принимаю их из её рук, но стоит мне только сжать пальцы вокруг протянутых сестрой прохладных ножен кинжала, как я сразу вспоминаю отца, подарившего мне первое оружие втайне от мамы. Всего лишь кинжал, но рукоять создана из белой кости с вырезанными на ней узорами, а ножны инкрустированы серебром

и чёрным жемчугом. Я судорожно выдыхаю, вспоминая его хитрую улыбку в ту ночь. Сердце сжимается от несбыточного желания увидеть его ещё раз, живого. Увидеть и обнять. Сказать, что я пыталась защитить маму. Что его уроки не прошли зря и я убила нескольких врагов, напавших на нас. Может, не всем, но нескольким я успела отплатить. Гордился бы он мной, услышав это?

Этот кинжал — самый дорогой сердцу подарок от отца. Материальное воплощение его веры в меня, веры в то, что я могу сражаться наравне с братом и Назари. Обычно принцесс в Илосе максимум учили стрелять из лука и держать средний меч на случай крайней необходимости. Но считалось, что крайней необходимости не должно быть вовсе, ведь для этого есть Назари. Однако я с детства хотела быть как брат и наши друзья. Хотела уметь держать любое оружие. Сейчас, вспоминая это, я понимаю, почему мне так нравились уроки Роя.

Второй предмет — серебряный перстень с огромным чёрным камнем — покоится на раскрытой ладони Айлы. Его я не узнаю.

— Вряд ли я носила такое.

— Это одно из трёх Колец Пустыни, — понимаю, — грустно улыбается сестра. — Их должна была отдать нам мама на тринадцатый день рождения.

Но её не стало, когда нам было двенадцать. Ни я, ни Айла не решаемся сказать это вслух. Сестра устало садится на ближайший диван и приглашает меня присесть рядом.

— Кольца Пустыни — это подарок каждой королевы-матери своим будущим детям, — напоминает мой близнец. — На восьмом месяце беременности она выбирает камень или кристалл, который вставят в перстень. По легендам, эти перстни будут оберегать носителей и помогать им. Они станут нашими Сердцами, бережно выбранными матерью. Это свя-

ценный обряд, как и выбор Назари. Только свиту выбирает отец, а камни — мать. — Сестра вертит в руках принесённое кольцо. — Конечно, насколько это всё правда — никто не знает. Скорее всего, камни никак не помогают, но это наша память о маме. Её подарок. И, так как их ещё часто называют Сердцами Пустыни, по традиции, на своей свадьбе мы передаём их тому, кого полюбим всем сердцем. Отдать его можно лишь однажды, когда ты уже полностью уверена в своём выборе.

Я беру кольцо. Серебро оббивает крупный чёрный камень. Он не блестит и не отражает свет, но я подношу его ближе к глазам и рассматриваю мелкие серебряные вкрапления, похожие на звёзды во тьме. Надеваю перстень на средний палец правой руки.

— Спасибо, — смущённо бормочу я, а потом сглазываю и повторяю увереннее: — Спасибо, что сохранила его для меня.

Улыбка Айлы становится чуть увереннее, но она печальная, такая, будто я пропустила всё самое важное в своей жизни и ей теперь жаль, что приходится передавать события на словах.

— У Даяна камень под названием раухтопаз, — продолжает сестра, пока я пристально разглядываю свой перстень, будто он должен раскрыть мне секрет собственного сердца. — Говорят, он помогает владельцу быть стойким и меняет восприятие действительности. Брат носит его, как и ты, на правой руке. Но отдаст его Самии в день их свадьбы.

Её подсказка помогает мне вспомнить золотое кольцо Даяна с крупным коричневатым кристаллом с дымчатой поволокой.

— Но про наши с тобой камни папа рассказал особенную историю. — Айла забирается на диван с ногами, подбирая их под себя, а я ёрзаю в нетерпении, переводя взгляд на сестру. — Никто не знал, что у мамы родятся близнецы. Все решили, что ей нужно

взять один камень, и она выбрала мой — розовый топаз для душевной чистоты.

Сестра протягивает мне левую руку, на среднем пальце большой перстень с нежным, сверкающим различными гранями топазом, но я обращаю внимание на странный выбор металла. Он чёрный. Это сочетание вначале кажется странным, но затем я понимаю, насколько идеально оно подходит Айле. Чистая душа наследницы Дара Тьмы.

— Когда все решили, что её выбор сделан, мама вновь начала рыться среди горы драгоценных камней и кристаллов. Она перебирала долго, и все камни ей не нравились. Даже самые красивые рубины и жемчуга она отбрасывала без единого интереса. В итоге мама достала, по словам папы, «самый неприметный камень», а именно твой. Он спросил, зачем она взяла этот, если выбрала красивейший топаз. Попытался её отговорить, но мама с огромным животом накинулась на него, стоило ему забрать у неё выбранный обсидиан. Папа сказал, что сцена была и смешная и пугающая одновременно. И больше спорить с женой не стал. Они сделали два кольца, не понимая зачем, но всё встало на свои места с рождением близнецов.

Замечая воодушевление в голосе Айлы, я хочу попросить её показать мне этот момент, чтобы своими глазами увидеть, как папа рассказывает эту историю. Но я молчу, вновь замечая тёмные круги под глазами сестры.

— Обсидиан также называют вулканическим стеклом. Он хоть и не выглядит дорогим, но наделён энергией чёрного неба, а значит, превосходно подходит потомку Илоса.

Айла говорит медленно и вдумчиво, позволяя почувствовать её любовь и тоску, когда она смотрит на меня.

— Мама права, это идеальный камень для тебя.

— Хочешь сказать, что я такая же мрачная? — улыбаясь, бросаю я, чтобы хоть немного сгладить настроение.

— Что-то вроде того. — Сестра тихо смеётся, и печаль, нависшая над нами, тает.

Я оставляю сестру поспать, а сама выхожу, тихо прикрывая за собой дверь. Напоследок она сказала, что через несколько часов у нас ужин и если я сама не найду столовую, то за мной кто-нибудь зайдёт.

Прохожу по темнеющему коридору в закатных лучах солнца и останавливаюсь у соседней двери. Айла сказала, что она ведёт в мою комнату. Оставшись одна, неловко мнусь перед знакомыми двойными дверьми, но так и не решаюсь их распахнуть. Двигаюсь дальше, чтобы осмотреть наш дом и побыть немного наедине с собой.

Я выглядываю наружу с одного из балконов, разглядывая Паргаду и далёкие барханы песка. Огромный диск солнца окрашивает всё в оранжевые цвета, а голубого неба почти не видно из-за песка, поднятого ветром в воздух где-то вдалеке. Вероятно, ночью песчаная буря дойдёт до города. Дворец окружают прекрасные сады с фонтанами и неглубокими бассейнами. Упираюсь локтями в перила, наблюдая, как Назари вместе с Даяном выходят из здания, спускаются по небольшим ступенькам и уходят в направлении специального поля, где ещё тренируются несколько солдат. Похоже, они решили воспользоваться моим советом и поколотить что-нибудь. Я продолжаю с улыбкой следить за ними, но почему-то прячусь за колонной, когда Анис неожиданно поворачивает голову в мою сторону, как если бы почувствовал мой взгляд. Меня саму удивляет моя реакция, но она кажется знакомой. В детстве я часто тайно следила за их тренировками и пряталась, чтобы не быть обнаруженной.

Возвращаюсь обратно и почти полтора часа брожу по коридорам, пытаюсь найти знакомые места и освежить память. Из любопытства распахиваю несколько дверей, чтобы осмотреть чей-то кабинет и несколько роскошных гостевых спален. Почти по всему дворцу вырезанные по камню орнаменты, словно кружево, украшают стены, ниши и потолки. Мраморный пол изредка прикрыт дорогими коврами или уступает место плитке. Излишне утопающие во тьме проходы внезапно сменяются светлыми залами с местами для отдыха. На диванах, обитых кремовой парчой, мягкие подушки, а обилие зеркал приумножает свет от свечей. В моём доме множество террас, балконов и длинных коридоров с резными арками. Полупрозрачные шёлковые занавески всегда в движении из-за гуляющего ветра, а в воздухе витают едва ощутимые ароматы масел и благовоний.

Где-то в глубине дворца я попадаю на небольшую запасную лестницу, украшенную зелёными растениями, что обвивают перила. Она ведёт на первый этаж прямо к подножию неглубокого бассейна с лазурной водой на заднем дворе. Здесь по стенам вверх ползут плетистые розы нежных оттенков. Чуть дальше я нахожу сады апельсиновых и гранатовых деревьев, удивительно отчётливо вспоминаю ароматы их цветов.

Моя прогулка слишком затягивается, поэтому я возвращаюсь на третий этаж. Кто-то уже зажёл свечи, вставленные в специальные медные или серебряные настенные светильники. Благодаря ажурному плетению и тончайшим завиткам, тёплый свет дробится, рисуя удивительные узоры на полу, стенах и потолке, создавая уютный полумрак. Но из-за отсутствия людей дворец кажется неестественно безмолвным в заканчивающихся сумерках. С недоумением оглядываюсь, прикидывая, где вся прислуга.

Словно догадываясь о моих желаниях, тени под ногами искривляются, обволакивают мои лодыжки

и тянут направо. От этих теней я не чувствую ни злости, ни угрозы. Даже наоборот. Они похожи на родных питомцев, которые узнали меня и хотят помочь. Я сворачиваю направо и выхожу на одну из главных лестниц дворца. Ступеньки широкие и покрыты золотисто-песочным ковром, а мраморные перила украшены переплетением золота и серебра. Пригибаюсь, заслышав тихие шаги нескольких пар ног и голоса, доносящиеся с первого этажа. Двое охранников сопровождают трёх служанок. Девушки зажигают лампы и о чём-то тихо переговариваются. Чуть слышно позвякивая браслетами на лодыжках, я как можно быстрее спускаюсь по лестнице.

— Простите, а где все?

Служанки подскакивают от испуга, а самая молодая вздрагивает всем телом и роняет на пол свечу. К счастью, под ногами у нас не ковёр, а мрамор. Мне становится стыдно, что я их напугала.

— Ваше высочество, мы... простите...

Увидев, что все они илосийцы, я расслабляюсь. *Верно, в Илосе никого не принуждают. Эти люди здесь просто работают за достойную плату.* На девушках лёгкие льняные платья с запахом и рукавами, заканчивающимися чуть ниже локтя. Наряды кажутся простыми, но комфортными, что радует, пока я с недовольством вспоминаю корсет, что был частью формы служанок в Каидане.

— Просим прощения, принцесса Айла, мы помним о приказе вашего брата...

— Не Айла, — перебиваю я с неловкой улыбкой, чем заставляю всех умолкнуть.

Раздумываю, как выпутаться из сложившейся ситуации, возможно, здесь мало кто знает о моём существовании. Эта мысль огорчает, я обхватываю свои плечи руками, чувствуя себя самозванкой.

— Не Айла, — чуть увереннее повторяю я, вспоминая, что мне не нужно больше скрываться. —

Меня зовут Ойро. Можете звать именно так, титул кажется мне...

...слишком непривычным и режет слух.

Но я не заканчиваю фразу, теряюсь, когда две молодые девушки, выпучив глаза, тарашатся на меня, а третья, с сединой в длинных волосах, едва вскрикнув, зажимает рот рукой. Я не сразу понимаю, что она пытается заглушить звуки плача, но слёзы обильно льются по её лицу. Два охранника низко склоняют головы. От всего этого мне становится ещё более неудобно.

— Прошу вас, не нужно поклонов.

Солдаты тотчас выполняют мою просьбу, будто это приказ. Я отступаю на пару шагов, не зная, что теперь делать со сложившейся ситуацией.

— Я просто... хотела узнать, почему во дворце так пусто? Здесь всегда так?

— Нет, ваше высо... Ойро, принцесса Ойро. — Старший из двух охранников начинает путаться в титулах, но я уже не пытаюсь его поправлять. Просто продолжаю сдержанно улыбаться. — На рассвете принц Даян собрал срочный совет и сообщил о вашем возвращении. Он попросил, чтобы в течение одного дня мы избегали восточного крыла, так как никто не знал, в каком... в каком вы состоянии. Не хотели вас тревожить... или пугать.

Мои брови взлетают, я подмечаю, что он использовал слово «попросил», говоря о Даяне. *Принц попросил...* Родители бы гордились им.

— Простите, ваше высочество, если мы вас потревожили. Мы немедленно уйдём.

— Нет! Всё замечательно, передайте всем, что не нужно больше избегать меня и все могут свободно выполнять свою работу.

Нам всем немного неловко. Они, как и я, боятся лишний раз шелохнуться, будто я рассыплюсь от любого движения воздуха, а неаккуратно сказанное

слово лишит меня рассудка. Я обращаю внимание на служанку, которая продолжает тихо всхлипывать. Подхожу к ней и беру её руки в свои.

— Что-то не так? Не стоит меня бояться.

Хоть у неё и есть седина в волосах, но морщин на лице не много, разве что сеточка вокруг глаз да небольшие складки у рта.

— Вы не помните... меня? Ойро... принцесса Ойро, — неуверенно улыбаясь, женщина пытается утереть слёзы, но они всё текут и текут. — Я помню, как вы родились, я работаю здесь очень давно и видела, как вы росли.

Теперь и у меня щиплет в глазах. Я часто моргаю, чтобы не расплакаться.

— И как? Я была скверным ребёнком? — неуклюже шучу я.

Женщина смеётся, забывая про слёзы.

— Скверным — никогда, но возможно... немного беспокойным. Пару раз пришлось полностью ремонтировать коридор и вашу комнату.

Я благодарно киваю ей в ответ, понимая, что она видела мою силу и не боится.

— Меня зовут Ноуша. А эти две девушки — Дия и Ярия — здесь лишь несколько лет и видят вас впервые.

Девушки сразу склоняют головы в поклоне. Я также отвечаю им кивком.

— Эти мужчины — Ятим и Самур, — продолжает представлять Ноуша. — Ятим тоже здесь давно и видел ваше рождение.

Охранник, заговоривший со мной первым, добродушно улыбается.

— Мне очень приятно со всеми вами познакомиться или же встретиться вновь, — я сжимаю тёплые руки Ноуши, радуясь, что она уже не плачет. — Я бы хотела проведать остальных слуг, когда будет возможность.

— Мы будем рады! Тех, кто и раньше знал о вас, около половины. Мы все возблагодарили Илоса, узнав, что вы живы.

— Вот ты где! — эхом прокатывается голос Самии. Звеня браслетами, подруга почти бегом спускается по главной лестнице.

— Госпожа Самия, — приветствуют солдаты, склоняя головы, девушки молча кланяются. Одна Ноуша остаётся стоять прямо.

— Ойро, я тебя везде обыскала. — Запыхавшаяся Самия обхватывает мою руку и поворачивается к старшей служанке: — Ноуша, всё готово?

— Конечно, ужин накрыт в столовой. Когда я ушла, там уже были Рушан и его высочество Даян.

— Спасибо! На сегодня всё, отдохните как следует, — отвечает подруга и настойчиво тянет меня в один из коридоров.

— Приятного вечера! — Ноуша машет рукой и начинает подталкивать Дилю и Ярию в противоположном направлении.

Мы входим в столовую последними, остальные члены семьи уже расположились за длинным столом из тёмного дерева, покрытого белоснежной скатертью. Стол, сервированный фарфоровой расписной посудой, серебряными кубками и столовыми приборами, буквально ломится от аппетитных блюд и напитков. Говядина, прожаренная на огне и выложенная на тарелку с томатным соусом, курица, запечённая с картофелем и приправленная пряными травами, острое карри и пирог с сыром и грибами, салаты из свежих овощей и огромные вазы с фруктами, сушёными и свежими. Кувшины с соками и гранатовым вином. Из-за аппетитных запахов желудок отзывается глухим ворчанием, напоминая, что я так толком и не поела за весь день.

Пока у меня разбегаются глаза, Самия сажает меня во главе стола. Позади — огромное окно, за ко-

торым, по смутным воспоминаниям, находится сад, но уже слишком темно, чтобы разобрать. С потолка свисает несколько позолоченных люстр. Горящие свечи на них обрамлены стеклом и металлическим плетением, из-за чего витиеватые линии теней расползаются по всем поверхностям. Света люстр было бы достаточно, чтобы осветить стол, но сейчас зажжены и все фонари на стенах. Даже на столе среди блюд стоят несколько медных светильников, внутри которых горят свечи.

По правую руку от меня сидят Даян и Айла, а по левую Рушан, Самия и Анис. И всё же около половины стола остаётся пустым. Одновременно с нами могли бы сесть ещё человек десять. Перед глазами встаёт образ отца, сидящего на этом самом месте во главе стола. Как он, слушая советников, наклонялся ко мне пятилетней, чтобы помочь выковырять из еды тушёную морковь. Мы оба её не любили.

Я тру глаз, притворяясь, что в него что-то попало.

Почти все переоделись в домашнюю одежду. Даян и Анис — в свободные брюки и светлые рубашки. Рушан — опять во всём чёрном. На Айле теперь простое платье песочного цвета, только я и Самия остались в тех же нарядах.

— Наконец можно приступать, — воодушевлённо начинает брат.

Вероятно, он хочет добавить что-то ещё, но не успевает, потому что все трое Назари и Айла приподнимаются со своих стульев и прямо-таки сметают еду на свои тарелки. Я с недоумением смотрю на сестру, которая впервые на моей памяти с таким усердием пытается отвоевать себе лакомства. Рушан бьёт Аниса ложкой по руке, пытаясь защитить главный предмет спора за столом, а именно пирог с курицей, яйцами и луком. Даян бросает на меня виноватый взгляд и как ни в чём не бывало разливает гранато-

вое вино по кубкам. Слуг в помещении нет, вероятно, брат их отпустил до моего прихода.

— Мы что-то празднуем? — неуверенно подаю я голос, не зная, как себя вести и что делать.

Они замирают. Рушан так и застывает с ложкой в овощном салате, Даян чуть не проливает вино, наполняя кубок до краёв, Айла и Самия таращатся на меня, а Анис открывает рот от удивления. Я неловко смеюсь над этой комичной картиной.

— Конечно, празднуем! Твоё возвращение, глупая! — взмахивает рукой Айла.

— Тогда оставьте мне хоть немного моего любимого пирога!

Рушан извиняется, подхватывает мою тарелку и щедро накладывает еду. Все остальные вновь приходят в движение.

— Пока ты не знаешь правило, что пирог достанется тому, кто успеет отхватить, я положу тебе побольше, — объясняет Рушан, вновь отталкивая руку Аниса, когда тот пытается стащить ещё кусок. — Но в следующей раз ты сама за себя.

Он заговорщически улыбается и ставит наполненную тарелку передо мной.

— Надо ли говорить, что именно Рушан съедает большую часть, — ворчит Анис, закатывая глаза.

— Приходил бы на ужин вовремя, тогда меньше бы ныл, что тебе не досталось, — ровным тоном парирует кахари.

Мы вновь болтаем обо всём, о чём только можем вспомнить. Первый тост родные поднимают за моё возвращение, а второй Даян выпивает в одиночестве и залпом, чтобы потом всё-таки сообщить мне о своей помолвке с Самией. Я отлично изображаю недоумение, прикрывая едва сдерживаемую улыбку кубком с вином. Мы выслушиваем оправдания брата около десяти минут, я почти всё время молчу, и это подстёгивает Даяна всё подробнее рассказывать о

том, как они влюбились и откуда он мог знать, что так сложится. К тому же наш принц всё время смотрит на меня и не видит, как Айла уже кусает кулак, чтобы не засмеяться. Самия, подперев лицо рукой, наслаждается пересказом их любовной истории. Всё портит Анис, который первым догадывается, что я всё знаю. У друга вырывается громкий смешок, он торопливо закусывает губу, когда Даян оборачивается и бросает на него испепеляющий взгляд. Рушан хмыкает и качает головой, вероятно, тоже уже догадавшись.

Протягиваю руку и глажу своего взрослого брата по шелковистым волосам. Он смотрит на меня с тревогой.

— Я счастлива за тебя и Самию. Свадьба — это просто свадьба, главное, что вы есть друг у друга. И мне легче, зная, что вы не только прикрываете спины друг друга, но и что любовь лечит ваши сердца.

Даян благодарно улыбается и берёт мою руку в свои, крепко сжимая. Но остальные наигранно морщатся, будто в еде каждому попался кислый кусок.

— Слишком слащаво сейчас было, да? — с усмешкой уточняю я у них.

— Не то слово, — облегчённо выдыхают все разом.

Мы почти заканчиваем с едой, но продолжаем потягивать прохладное вино. Аромат граната напоминает о маме, но я не озвучиваю свои мысли вслух, чтобы не омрачить радостный вечер. Вместо этого внимательно слушаю, как дорогие мне люди рассказывают о торговле и внешней политике, о нескольких слабых столкновениях с кайданцами на протяжении последних лет. О пока дружественных отношениях с теялийцами и прохладными с исарийцами. Даян поясняет, что хоть он и правит страной уже не один год, но коронацию проводить упорно отказывается, продолжая носить титул принца, хотя

стране нужен король. Однако теперь, когда я дома, брат решает обсудить коронацию завтра с советниками. Через несколько недель наступит зима, а значит, нам с Айлой исполнится по девятнадцать лет.

— Мама с папой планировали объявить о твоём существовании на ваше восемнадцатилетие, — вспоминает брат. — По наставлению Мальты, это был удачный вариант. Мы и так задержались на целый год.

— Как насчёт того, чтобы сделать это на коронации? — предлагает Рушан.

Все на какое-то время замолкают и смотрят на меня: похоже, именно я должна принять это решение. Вероятно, они не уверены, что я готова к этому, но мне не хочется вновь скрываться. Хочу быть полезной семье и своей стране. Титул принцессы — это власть, способная мне в этом помочь.

— Звучит отлично, — согласно киваю я.

И все вновь поднимают кубки с тёмно-красным вином. Сделав очередной глоток, я чувствую, как голову туманит алкоголь. Но мою мысль обрывает неприятный звон, когда Рушан случайно роняет вилку прямо на пустую тарелку. Он едва заметно морщится от боли в плече.

— Что я сказал тебе, Рушан! Чтобы ты даже не смел прикасаться к луку и стрелам, пока плечо не заживёт, — строго говорит Даян, но он, скорее, выглядит обеспокоенным, чем разозлённым.

Я внимательно смотрю на натянутую улыбку кахари, а он расслабленно пожимает плечами. Рушан и в детстве не любил принимать помощь, но я не вижу смысла в том, что он терпит боль.

— У нас разве нет лекарей с Даром целителей? — спрашиваю я, внимательно разглядывая друга и наливая воды из кувшина в маленький стакан.

— Есть, но Рушан лишь однажды принял их кровь. Тогда он сломал руку. Обычно он не прини-

мает ничего больше, чем мази или специальные настойки, — жалуется Айла.

— Девушек привлекают мужчины со шрамами, — скучающим тоном парирует тот, возможно, он пытается перевести всё на шутку, но никто не смеётся.

— Это миф, болван, — со всей серьёзностью отрезает Самия.

Я беру нож со стола и прежде, чем кто-то успевает меня остановить, слегка разрезаю большой палец. Выдавливаю немного своей крови в стакан с водой. Так же быстро заворачиваю палец в салфетку, чтобы никто не подумал, что там что-то серьёзное. В образовавшейся тишине я слышу только звук потрескивания свечей да ветер за большим окном. Остальные благоразумно молчат, ошарашенно наблюдая, как я протягиваю стакан Рушану. Впервые за всё время на лице кахари нет ни браваты, ни ухмылки. В его взгляде замешательство напополам с непонятным мне волнением. Он не принимает стакан, а моя рука так и остаётся протянутой.

— Я не могу, — нерешительно выдавливает он, понимая, что я ему предлагаю.

— Почему?

— Это бесполезная трата твоей крови на меня.

— На тебя?

— Да, — незамедлительно отвечает он.

Я задумываюсь, ощущая, как легко алкоголь в крови высвобождает мои истинные эмоции. Те поднимаются по горлу, готовясь вырваться наружу исповедью, которую ещё днём я намеренно скрыла от родных, а теперь меня прорывает. Я злюсь не на Рушана, а на себя и на ситуацию, в которой оказалась, вынужденная вновь чувствовать себя чужой. Вспоминаю, что мы когда-то пообещали быть честными друг с другом. Мы трое и наши Назари. Поэтому даже не пытаюсь остановить рвущийся поток.

— Меня не было шесть лет. Шесть лет я трусливо отсиживалась в безопасности на Островах, даже не пытаясь вернуться в Илос, чтобы найти свою семью. Из-за моего отсутствия вы все были уязвимы. И если бы по нелепой случайности я не оказалась в Каидане, если бы вовремя не вспомнила, то кто знает, чем бы всё закончилось, — я едва перевожу дыхание, чтобы продолжить, а Рушан смотрит прямо мне в глаза, не перебивая. Всё сказанное предназначается всем присутствующим, но я почему-то продолжаю смотреть только на кахари. — Я принцесса и одна из потомков Первых. Однако ничего не знаю об управлении собственной страной, не помню уроков о политике или что делать в годы неурожая. Как принцесса, я ничем не могу помочь. А как наследница Первых не могу нормально контролировать свой Дар, который только и умеет, что разрушать всё на своём пути, если Айла мне не поможет.

Я благодарна, что никто не встречается. Все молча наблюдают за нашим разговором.

— Я даже не могу вспомнить, которой из этих двух вилок нужно есть десерт и каким ножом резать мясо, — горько усмехаюсь я, кивая на столовые приборы перед собой. — Единственное, в чём я могу быть уверена, это в своей крови, способной исцелять тех, кого я люблю.

Поток слов стихает, а моя рука вздрагивает, устав держать стакан с бледно-красной водой. Даян кладёт тёплую ладонь мне на плечо, желая приободрить.

— Поэтому, Рушан...

Его дыхание сбивается, как и моё.

Это второй раз, когда я произношу его имя вслух.

— Пожалуйста, не оскорбляй меня, отказываясь от той малой помощи, которую я могу дать.

В повисшей тишине кахари трепетно принимает стакан. Он робко берёт его обеими руками, я думаю

списать дрожь в его пальцах на боль в плече, но после его следующих слов понимаю, что это волнение.

— Дело не совсем в этом, — мнётся он, шумно вытягивая носом воздух. — Я — твой Назари, а ты — моя принцесса. Твоя кровь священна для меня.

Я перевожу взгляд на сидящих рядом Аниса и Самию. Те кивают, подтверждая эти слова.

— Верно, — с каким-то мрачным удовольствием тянет Даян, убирает руку с моего плеча и укладывает подбородок на сцепленные пальцы, уперев локти в стол. — Единственная, кто пила твою кровь, Ойро, это Айла. Один раз во время болезни в детстве, но она твой близнец. И тут оказывается, что первому среди Назари эта честь достанется Рушану.

Губы Даяна растягиваются в кошачьей улыбке, он пристально смотрит на кахари, сидящего напротив. Рушан открывает рот, чтобы ответить, но сдерживается и бросает взгляд на меня.

Этот раз не первый.

Это он хотел сказать. Я силюсь вспомнить, когда это произошло. Однако молчание кахари заставляет меня сомневаться: действительно ли я когда-то давала ему свою кровь или эти мысли не более чем игра моего воображения.

Рушан опустошает стакан за один глоток.

— Если у меня есть хоть немного власти, чтобы раздавать приказы, то я дам лишь один. Если вам потребуется кровь целителя, я хочу, чтобы это была моя кровь, так как вы моя семья, — говорю я, оглядывая своих родных.

— Разумеется, принцесса, — серьёзно отвечает Рушан, прикладывая ладонь к груди в знак обещания. За ним этот жест повторяют все остальные, включая Айлу и Даяна.

Теперь мне наконец-то становится чуть легче, словно ранее гноящаяся рана начала заживать, а лёг-

кие за долгое время по-настоящему раскрылись, позволяя сделать полноценный вдох без лишнего груза.

Мне нужно вернуть Дарена, и тогда всё встанет на свои места.

Глава 4

Ойро

На следующий день я вновь просыпаюсь поздно. Никто не разбудил меня на завтрак, а судя по расположению солнца, близится полдень. Впервые за эти долгие годы я просыпаюсь в своей кровати. Моя комната по расстановке мебели очень похожа на спальню Айлы, разве что цвета подобраны серые, белые и золотистые. Однако, в отличие от комнат брата и сестры, мои занавески тёмно-серого оттенка, и если зашторить окна, то комната полностью погрузится во мрак даже в середине дня.

В помещении заранее прибрались, потому что перед сном, впервые зайдя сюда, я не обнаружила никакой пыли или паутины, а матрас и подушки оказались новыми и пахли свежестью. Я вспоминаю, как хрустело белоснежное одеяло, когда я с наслаждением завернулась в него поздно ночью.

Всего несколько минут я разглядываю балдахин кровати и тереблю в руках мягкий шифон, свисающий по сторонам, а потом встаю, чтобы умыться. Моя умывальная немного меньше, чем у Даяна, но стены и потолок так же выложены кафелем от белого до аквамаринового оттенков. В нише стоит мраморная ванная. Я поворачиваю торчащий из стены вентиль, как показала вчера Айла, рассказывая об изменениях во дворце, и слежу за наполняющей ванную прозрачной водой.

Водопроводную систему придумали исарийцы, основываясь на своих экспериментах и расшифрованных документах о прошлом мире ещё до падения Звезды. Эту технологию у них купили мы и каиданцы, но помню, что ранее напора хватало только до второго этажа. Теперь же, по словам сестры, систему усовершенствовали, значительно облегчив работу слугам и жизнь во дворце. Вчера я слушала Айлу, сдержанно кивая, чтобы не показывать излишнего удивления, но пока никто не видит, я с восхищением наблюдаю, как всё работает. Вода тёплая, я уже не стесняюсь и роюсь в красивых бутылочках, выбирая масла. Добавляю немного цитрусового аромата.

Айла вваливается в мою комнату, когда я натягиваю на себя штаны и свободную рубашку. Немногим ранее, открыв шкаф, я обнаружила только вчерашнее платье да несколько комплектов домашней одежды.

«С гардеробом придётся ещё поработать», — вымученно решила я, глядя на туалетный столик, где лежит шкатулка с браслетами на лодыжки, мамино Кольцо Пустыни да папин кинжал.

«И с этим тоже придётся разобратсья».

В детстве у меня ещё не было собственных украшений, мне они мешали, а когда нужно было принарядиться, мама использовала свои.

Вначале я радуюсь появлению сестры, но моментально скисаю, замечая у неё в руках ворох разноцветных платьев. Сразу стоило догадаться, что на сегодняшнее заседание Совета не следует идти в домашней одежде.

— Нет, нет, нет! — строго говорит Айла, критично оглядывая мой наряд. — Вот это всё точно нет! Я принесла тебе несколько своих платьев, благо у нас даже фигуры похожи. Но нужно будет заказать тебе одежды.

Губы девушки растягиваются в довольной улыбке, и она скидывает все наряды бесформенной кучей